

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 1 (44), 2026

Тверь 2026

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2026. № 1 (44). 80 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологические науки*
- *Социально-экономические науки*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования (адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

Евстифеева Е.А. О боли, эмпатии и коммуникативном балансе взаимоотношений «врач – пациент».....	5
Егорова О.А. Философская парадигма стоицизма в песенных маршах Владимира Высоцкого.....	12
Туманова О.И. Анализ функций государства в процессе сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.....	18
Удалова Л.В. Суицидальность в условиях тотального отчуждения. Часть 1. Онтология отчуждения и экзистенциальный кризис.....	22

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Музыкальные субкультуры в студенческой среде: опыт социологического исследования в ТвГТУ.....	28
Гамаюнов С.Н. Эволюция и парадоксы межстрочного интервала: от пишущих машинок до цифровой эпохи.....	34
Гефеле О.Ф. Профессиональная идентичность как личностный ресурс профессиональной адаптации персонала организации.....	41
Лавриков С.В. Руморологические аспекты восходящего и кульминационного этапов революционного кризиса 1905–1907 годов в Тверской губернии.....	46

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дедов Д.В. Технологический суверенитет: обеспечение экономической безопасности России (научный обзор).....	53
Лазарев О.Е., Павлов Д.А., Лазарева О.С. Анализ методов постановки на государственный кадастровый учет жилых домов на участках индивидуального жилищного строительства.....	58
Мельникова Т.А., Лазарев О.Е., Лазарева О.С., Лепехин И.А. Управление застройкой территории на основе региональных нормативов градостроительного проектирования.....	63
Никольская В.А., Кошкина Г.В., Никитина-Кошкина К.Э. Безопасность цифрового рубля: обзор рисков и мер защиты.....	69
Правила представления статей для публикации в журнале.....	75

CONTENTS

PHILOSOPHICAL REFLECTION

Evstifeeva E.A. On pain, empathy and communicative balance in «doctor – patient» relationships.....	5
Egorova O.A. The philosophical paradigm of stoicism in the song marches of Vladimir Vysotsky.....	12
Tumanova O.I. Analysis of functions of the state in the process of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values.....	18
Udalova L.V. Suicidality in conditions of total estrangement. Part 1. Ontology of estrangement and existential crisis.....	22

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Blokhina M.V., Grigoryev L.G. Musical subcultures among students: the experience of sociological research at TvSTU.....	28
Gamayunov S.N. The evolution and paradoxes of line spacing: from typewriters to the digital age.....	34
Gefelev O.F. Professional identity as a personal resource for professional adaptation of organization staff.....	41
Lavrikov S.V. Rumorological aspects of the rising and culminating stages of the revolutionary crisis 1905–1907 in Tver province.....	46

SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES

Dedov D.V. Technological sovereignty: ensuring Russia's economic security (scientific review).....	53
Lazarev O.E., Pavlov D.A., Lazareva O.S. Analysis of methods of registration for state cadastral registration of residential buildings on individual housing construction sites.....	58
Melnikova T.A., Lazarev O.E., Lazareva O.S., Lepekhin I.A. Management of territory development based on regional regulations for planned development.....	63
Nikolskaya V.A., Koshkina G.V., Nikitina-Koshkina K.E. The security of the digital ruble: overview of risks and protection measures.....	69
Rules for submitting articles for publication in a journal.....	75

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 159.9

О БОЛИ, ЭМПАТИИ И КОММУНИКАТИВНОМ БАЛАНСЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ВРАЧ – ПАЦИЕНТ»

Е.А. Евстифеева

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Евстифеева Е.А., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-5-12

Аннотация. В контексте философского дискурса о боли в статье рассмотрен ее онтологический статус как реальное переживание антропологического бытия. Автор дает объяснение проблеме редукции боли к объекту, говорит об объективации боли в медицинском дискурсе, которая влечет дистанцирование врачей от пациентов и депривацию эмпатии как атрибуции коммуникации «врач – пациент». Боль субъективна, экзистенциально переживаема. Приведено обоснование того, что боль – это комбинация физических, психических и социокультурных факторов, в ней закодировано социальное поведение. Она вербализуется как нарратив пациента о своем страдании. На материале социальной онтологии показано, что боль, будучи знаком власти, используется как инструмент наказания, поскольку пытка – высшая форма причинения боли. В современном мире медикализации боль сублимируется путем радикальной анестезии и нарративов, что является уходом от естественного переживания боли как эволюционной атрибуции. В онтобиосоциальной оптике эмпатия предстает сублимацией боли, способом ее преодоления. Биологический дискурс об эмпатии как сублимации боли распознает биологическую основу эмпатии как поведенческое действие, актуализирует проблему нахождения и выстраивания границы между просоциальными действиями по оказанию эмпатической помощи и дистанцированию от чужой боли. Биологическая наука предикатирует внутреннее восприятие чужого состояния как эмоциональный и когнитивный резонанс. Для создания коммуникативного баланса во взаимоотношениях «врач – пациент» и для предупреждения проблемы выгорания в медицинской профессии императив и максимы врача ориентированы на выбор пересекающихся процессов объективации и субъективации боли и болезни пациента, на принятие болезни как *illness*.

Ключевые слова: философский дискурс о боли, объективация и субъективность боли, эмпатия как сублимация боли, биологическая наука об эмпатии, коммуникативный баланс взаимоотношений «врач – пациент».

В ранее опубликованных автором статьях обсуждались историко-философский, философско-антропологический, экзистенциальный дискурсы о феноменах боли, страдания, эмпатии, раскрывались их онтологическое, экзистенциальное, аксиологическое измерения. Был также рассмотрен феномен боли и страдания как

источник эмпатии и эмоционального выгорания в помогающих профессиях [3, 4, 8]. Не существует универсальных ответов на вопросы, что такое боль и страдание, что такое эмпатия, как взаимосвязаны боль (болезнь, т.е. то, что противостоит здоровью как бытийному состоянию органической автономии, когда каждая часть интегрирована в целое) и эмпатия и как они влияют на социальные взаимоотношения. Таким образом, необходимо продолжать обращаться к философским и научным исследованиям по проблеме боли, которая инициирует (или нет) эмпатию как атрибутивную составляющую социального взаимодействия людей, как «сущее и должное» взаимоотношений «врач – пациент», а также к исследованиям, касающимся влияния боли и эмпатии на коммуникативные взаимодействия.

Онтология боли указывает на боль как базовое условие человеческого существования, как универсальный невербальный способ ощущения, переживания бытия, как доступный самоосознанию критерий человеческого существования. Боль имманентна антропологическому бытию: «Боль – будь она физической, психической или комбинацией их – имманентна человеческому существованию как таковому, и каждый проживает – терпит – ее сам ... Она происходит, говоря простым языком, от неизбежной уязвимости, которая всегда была частью человеческой природы, но которую мы (и в этом заключается культурное и историческое отличие нынешней эпохи от прежних) разучились терпеть – как в себе, так и в окружающих» [2, с. 231–232]. О том, что боль есть состояние, которое не объективируется, не вербализуется и невидимо для окружающих, находим аргументы в книге А.Ю. Ветлесена «Философия боли» со ссылкой на книгу Э. Скэрри «Body in Pain» [2, с. 18–20]. Однако в медицинских реалиях есть стремление превратить боль в объект, объективировать ее. На этом пути возникают научно верифицированные опросники, числа, графики, электронные записи, изображения, параллели между физиологической активностью и когнитивными функциями, ментальным состоянием. И главное – клинические исследования, испытания новых препаратов, вакцин, анальгетиков, подавляющих боль, редуцируют ее к объекту. В книге «Человек боли. Введение в клинический подход» известный практикующий врач паллиативной помощи, использующий в диалоге с пациентами эриксоновский гипноз, анализирует свои размышления: «Попытки объективации явлений, связанных с возникновением болезненных ощущений, – не более чем бледное описание того, что действительно происходит в жизни, в живом. Объективация жизни и живого "разрушает жизнь"» [5, с. 31]. Сегодня большая часть медиков, исповедуя онтологический дуализм телесного и духовного, использует медицинский язык, который описывает болезнь как объект, тело – как технологический объект, требующий починки, а боль рассматривает как физиологический механизм. Значительная часть медиков, ориентируясь на патерналистскую, физикалистскую модель врачевания, разделяет переживания человека на физическую, телесную боль и моральные, психические страдания, стремясь объективировать боль и болезнь. (Заметим, что боль и болезнь имеют свои различия. Не всякая боль является патологией, не всякая болезнь сопровождается болью.) Такие врачи дистанцируются от испытывающих боль пациентов, не выстраивают с ними эмпатических отношений. Они становятся безразличными к немедицинским сторонам человеческого бытия.

Однако боль субъективна, экзистенциально переживаема. Боль субъективна как нарратив, которым пациент рассказывает о своей боли. Боль социокультурна и исторична, так как испытывается человеком сквозь призму своей культуры и истории. Обратимся к тексту культуролога Г.Р. Хайдаровой: «Рефлексивный и коммуникативный опыт своего страдания принципиально отличает человека. Боль – это особая

форма коммуникации как с собственным телом, так и с социальным окружением. Боль и страдание – культурно обусловленные феномены сознания и коммуникации, понимание которых неразрывно связано с культурно-историческим контекстом» [16, с. 7]. Боль психологична и психиатрична в той степени, в которой страх и другие чувственные состояния парализуют пациента. Боль – это комбинация физических, психических и социокультурных факторов, в ней закодировано социальное поведение.

В социальной онтологии боль может мыслиться как «один из знаков власти, нетерпимости. Порог боли – порог терпимости, универсальный предел социальной толерантности» [13]. Актуализируем интерпретацию власти. Она есть та социальная сила и воля, которая, являясь необходимым механизмом управления и социальной регуляции, создает средства подчинения одних социальных субъектов другим. Среди средств подчинения – наказание [15]. Наказание пыткой физического тела – высшая форма причинения боли. Пытка как суровый опыт наказания включает два этапа: физическое воздействие (или причинение боли) и вербальное воздействие, допрос, который придает видимость мотивации и моральной справедливости акту пытки. В случае пытки боль человека становится объективированной, видимой для окружающих, тогда как обычная боль является субъективно реальной.

Философ А.Ю. Ветлесен приходит к выводу, что боль и власть – это две абсолютно несоединимые величины в процессе пытки: «Они находятся в отношениях обратной пропорции: чем больнее жертве, тем больше власть мучителя... В пытке происходит буквально следующее: боль одного человека становится властью другого» [2, с. 26–27]. Объяснить это можно так: когда жертва пытки дает признание, начинает говорить, тогда происходит отказ от своего психического содержания, от своей ментальности. Такое состояние уже ничего не значит для жертвы, но означает ожидаемый результат для мучителя или власти. Здесь возникает вопрос: может ли мучитель либо палач сочувствовать жертве или он будет радикально отрицать боль другого человека? Ответ однозначен. Для палача жертва – это объект, поэтому невозможно восприятие ее как человека.

В современном социокультурном мире, обозначаемом как постиндустриальный, постмодерный, цифровой, глобальный [1, 6, 9, 11], открыты новые технологии для преодоления боли физической и психической: «Медицина, законодательство, наркотики, прочие плоды цивилизации дают довольно прочный механизм защиты от возможной боли и снятия боли реальной – вплоть до возможности спокойно умереть при самых тяжелых болезнях» [13]. Такие способы борьбы с болезнью, однако, влекут утрату реальных переживаний боли человеком. В свое время, размышляя о болезни как экзистенции, как проживании, Л.Н. Толстой писал в «Круге чтения»: «Болезнь есть одно из состояний, в котором может находиться человек во время жизни, и силы его должны быть направлены не на то, как выйти из такого положения, в котором он находится, а как наилучшим образом прожить в том положении, в котором он находится» [12]. Утрата человеком реального переживания состояния боли приводит к его атомизации, а «следствием этого является ностальгия об утрате, повышенный интерес к показу, описанию и обсуждению боли и насилия, свойственные современной культуре и искусству» [13]. Можно согласиться с персонологом в том, что в современном мире радикально трансформируются способы, стратегии и тактики защиты от боли. Однако вместе с ними депривируется реальное переживание боли, которую можно идентифицировать как эволюционную данность человеческой жизни [7].

Известны стратегии сублимации боли: анестезия, дендизм (добровольное причинение себе боли для манифестации своей субъектности и свободы), письмо (описание, нарративы, обсуждение боли), эмпатия. Объясним данную терминологию. Под сублимацией (лат. *sublimare* – «возвышать») здесь понимается бессознательный защитный механизм психики и личности человека по вытеснению нежелательных или противоречащих ценностным установкам мыслей и чувств [14]. Сублимация также является ключевым механизмом культуры и цивилизации по преодолению конфликтов.

В онтобиосоциальной оптике эмпатия предстает сублимацией боли, способом преодоления боли. Как биологическая наука (биологический дискурс) объясняет эмпатию через ответную реакцию на боль? Эмпатия – это чувство, имеющее свою биологическую основу, или сенсомоторные, эмоциональные, когнитивные строительные блоки. При этом биологические факторы не являются непосредственной причиной поведения человека, они в основном настраивают чувствительность к внешним стимулам, которые лежат в основе поведения. В главе «Чужая боль: почувствовать, понять, облегчить» книги «Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки» знаменитый нейробиолог Роберт Сапольски распознает эмпатию следующим образом: «Эмпатия, сочувствие, отзывчивость, участливость, имитация, "заражение" эмоциональным состоянием, "заражение" сенсомоторным состоянием, понимание точки зрения других людей, обеспокоенность, жалость...» [10, с. 464]. Отклик на чужую боль представляет собой «заражение» сенсомоторным состоянием, есть даже подражательная моторика при имитации, например, плача.

Биологическая суть эмпатии заключается в том, что все нейробиологические пути проходят через лобную либо переднюю поясную кору (ППК). К функциям ППК относятся обработка информации от внутренних органов (боль – главный тип внутренней информации) и отслеживание конфликтных чувств, когда полученное не совпадает с ожидаемым. На пересечении этих функций ППК стоит боль, которая также отслеживается. Общая работа ППК «относится к древним мозговым контурам. Переднюю поясную кору интересует, в чем смысл той или иной боли. Что это за боль – хорошая или плохая – и какова ее природа. А это значит, что восприятием боли на уровне ППК можно управлять... Передняя поясная кора, очевидно, получает сигналы от внешних и внутренних наблюдательных сенсорных постов. Верно и то, что ее нейроны посылают отростки в сенсомоторную кору, оповещая о части тела, которая болит, и концентрируя внимание именно на ней» [10, с. 470–471]. Кроме ППК, при возникновении контуров эмпатии подключаются миндалины и зона островка [10, с. 472].

Нейробиолог предикатирует внутреннее восприятие чужого состояния как резонанс. Он задается вопросом о том, каким способом происходит резонанс с несчастьями других людей и когда такой резонанс на чужую боль отсутствует (состояние индифферентности). Индифферентность – это блокирование принятия боли другого, чувство отстраненности и невовлеченности в чужие страдания. Резонанс с чужим состоянием имеет отношение к эмоциям и к разуму.

Эмоциональный резонанс может различаться как «сочувствие», когда возникает чувство жалости по поводу чьей-то боли. Он может вести к деятельной помощи страдающему человеку. Такая отзывчивость (участливость) исходит из внутренней добровольной мотивации (рисунк).

Индифферентность, сочувствие, участливость

Когнитивный резонанс, когнитивные элементы эмпатии соизмеримы с ПФК (префронтальной корой, лат. *cortex prefrontalis*) мозга, длПФК (дорсолатеральной префронтальной корой) мозга и ответственны за решение когнитивных задач (например, за распознавание, ощущение чужой эмоциональной боли). Речь идет о переживании боли, которую человек не испытывал и которая представляется как абстракция (картинка).

Для состоятельности эмпатии необходимы и чувства, эмоции, когниции, разум, поскольку они образуют непрерывный континуум, целостность нейробиологического взаимодействия.

Главный проблемный вопрос для идентификации феномена эмпатии заключается в том, приведет ли состояние эмпатии к действию или бездействию, к правильному поступку, к чувству исполненности. И здесь, как справедливо замечает нейробиолог, возникает дихотомия «просоциальные действия – дистанцирование, отстраненность при виде чужих страданий». Практическая рекомендация отсылает к увеличению дистанции между страдающим и наблюдателем. Слишком сильная и болезненная эмпатия наблюдателя препятствует эмпатической помощи страдальцу. Она становится ловушкой для наблюдателя, истощает его, замыкает на себе.

Эмпатия – атрибутивная составляющая биосоциального взаимодействия людей. Она включает способность разделять, переживать, понимать субъективный опыт других людей по отношению к себе. Как конструкт эмпатия состоит из аффективных (эмоциональное реагирование), когнитивных (распознавание замыслов, побуждений, чувств других людей), моральных (оценка чужих поступков) компонентов. Эмоциональная эмпатия проявляется в том, что человек «видит» эмоциональную боль другого человека и зеркально, автоматически чувствует то же самое. Когнитивная эмпатия заключается в том, чтобы понять причину «расстройства» человека и помочь ему. Здесь нужно акцентировать внимание на словах нейробиолога: «Наши самые худшие, ужасные поступки, за которые осуждают и наказывают, проистекают от причин биологических. Но не стоит забывать, что и лучшие наши поступки – тоже продукт биологических процессов» [10, с. 596].

Биосоциальная природа эмпатии, ее психические и поведенческие особенности проявляют себя в различных заболеваниях. Озвучим некоторые заболевания, при которых наблюдается дефицит эмпатии или искажается чувство эмпатии.

При лобно-височной деменции поражены лобные и височные доли головного мозга. Они отвечают за поведение, речь и личностные регистры человека. Такая форма деменции влечет изменения личности. У пациента, кроме изменения характера, потери

чувства стыда, критической рефлексии к себе и своему поведению, нарушается коммуникация с другими людьми и депривируется эмпатия. При болезни Альцгеймера наблюдается поведенческий вариант с искажением чувства эмпатии [17]. При расстройствах аутистического спектра, когда речь идет о нейроонтогенетическом расстройстве психического и поведенческого развития и в диагнозе озвучиваются такие симптомы, как коммуникативные трудности, повышенная тревожность, низкая социальная мотивация, наблюдаются трудности вербального общения и распознавания чужих эмоций, а эмпатия характеризуется своим «эмпатическим неравновесием», когда преобладает либо когнитивная, либо эмоциональная эмпатия.

Какие можно сделать выводы на основе проведенного выше дискурсивного анализа феноменов боли, эмпатии для установления коммуникативного баланса во взаимоотношениях «врач – пациент» и для предупреждения проблемы выгорания в медицинской профессии? Эмпатия – это способность понимать психические состояния других людей и реагировать на них адекватным образом, релевантной эмоцией. Чтобы избежать выгорания или «усталости эмпатии», необходимо провести границу между собой и другим человеком, переключиться с эмоциональной эмпатии на когнитивную, которая конструктивна и приводит к полезным действиям для того, кому хочется помочь.

В современных клинических коммуникациях при выстраивании эмпатической коммуникации, когда эмпатия – это этическая основа медицинского опыта, для разрешения семиотического конфликта между врачом и пациентом врач должен обращаться к субъективному и intersubjectивному опыту болезни пациента, ориентироваться на пересекающиеся процессы объективации и субъективации боли и болезни, отчуждения и встречи (диалога с врачом). Это есть болезнь как *illness*, или жизнь-в-интерпретации, т.е. опыт болезни, включающий классификацию и объяснение страданий самим пациентом, когда значимость его голоса и желание быть услышанным учитываются врачом: «Болезнь как *illness* предполагает личные проблемы, связанные с функционированием в обществе, утратой возможностей, неутешительными перспективами. Без этого врач сужает проблему пациента, отвлекается от всего экзистенциального и социального, что присутствует в *illness*» [7, с. 25]. В императивном значении врач, будучи носителем гуманной и помогающей профессии, не может «по определению» игнорировать боль пациента.

Библиографический список

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
2. Ветлесен А.Ю. Философия боли. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.
3. Евстифеева Е.А. Страдание и боль как истоки эмпатии и эмоционального выгорания (часть 1) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2025. № 3 (42). С. 5–11.
4. Евстифеева Е.А. Страдание и боль как истоки эмпатии и эмоционального выгорания (часть 2) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2025. № 4 (43). С. 5–14.
5. Жуслен Ш. Человек боли. Введение в клинический подход. М.: Класс, 2020. 136 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

7. Лехциер Л.В. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2018. 312 с.
8. Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 23–33.
9. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 558 с.
10. Сапольски Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки. М.: Альбина нон-фикшн, 2019. 766 с.
11. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
12. Толстой Л.Н. Круг чтения. Афоризмы и наставления. М.: ЭКСМО, 2022. 1068 с.
13. Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. М.: Алетейя, 2003. 512 с. URL: <http://hpsy.ru/public/x3012.htm> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства. М.: КИТ, 2016. 82 с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem Press, 2025. 368 с.
16. Хайдарова Г.Р. «Феномен боли в культуре». СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. 317 с.
17. Dissociable executive functions in behavioral variant frontotemporal and Alzheimer dementia / K.L. Possin [et al.] // Neurology Journal. 2013. Vol. 80. No. 24. P. 2180–2185. URL: <https://escholarship.org/content/qt5n90r2dv/qt5n90r2dv.pdf?t=rsdw9a> (дата обращения: 12.12.2025).

ON PAIN, EMPATHY AND COMMUNICATIVE BALANCE IN «DOCTOR – PATIENT» RELATIONSHIPS

E.A. Evstifeeva

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *In the context of philosophical discourse on pain, this article examines its ontological status as a real experience of anthropological existence. The author explains the problem of reducing pain to an object and discusses the objectification of pain in medical discourse, which leads to doctors distancing themselves from patients and depriving them of empathy as an attribute of doctor – patient communication. Pain is subjective and existentially experienced. It is argued that pain is a combination of physical, psychological and sociocultural factors, and that social behaviour is encoded in it. It is verbalised as the patient's narrative about their suffering. Based on social ontology, it is shown that pain, being a sign of power, is used as an instrument of punishment, since torture is the highest form of inflicting pain. In today's world of medicalisation, pain is sublimated through radical anaesthesia and narratives, which is a departure from the natural experience of pain as an evolutionary attribution. From an ontobiological perspective, empathy appears to be a sublimation of pain, a way of overcoming it. The biological discourse on empathy as the sublimation of pain recognises the biological basis of empathy as a behavioural act and highlights the problem of finding and establishing a*

boundary between prosocial actions to provide empathetic help and distancing oneself from another's pain. Biological science predicates the internal perception of another's state as emotional and cognitive resonance. To create communicative balance in the "doctor – patient" relationship and to prevent burnout in the medical profession, the doctor's imperative and maxims are oriented towards choosing between the intersecting processes of objectification and subjectification of the patient's pain and illness, towards accepting the illness as illness.

Keywords: *philosophical discourse on pain, objectification and subjectivity of pain, empathy as sublimation of pain, biological science of empathy, communicative balance in «doctor – patient» relationships.*

Об авторе:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: pif1997@mail.ru

About the author:

EVSTIFEEVA Elena Aleksandrovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: pif1997@mail.ru

УДК 1:80:82-1

ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА СТОИЦИЗМА В ПЕСЕННЫХ МАРШАХ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

О.А. Егорова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Егорова О.А., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-12-18

Аннотация. *В статье на основе лексико-семантического и статистического анализа рассмотрена проблематика философского подтекста песенных маршей Владимира Высоцкого и, в частности, проанализированы отражения в них постулатов философии стоицизма. Выявлены ключевые тропы, способствующие раскрытию принципов стоической этики в некоторых маршах Высоцкого. При этом результаты статистического анализа образных средств продемонстрировали превалирование метафоры и антитезы в качестве инструментов раскрытия динамики стоицизма в данном пласте стихотворений поэта.*

Ключевые слова: *глобализация, стоицизм, антитеза, гиперболическая метафора, неологизм, аллюзия.*

Обращение к античной философии в современную эпоху связано с глубинным экзистенциальным запросом. Современные философы рассматривают философские тезисы отдаленного прошлого в качестве инструмента осмысления цивилизационного кризиса, который проявляется в чувстве экзистенциальной потерянности и утраты культурной идентичности индивидуума. Данный кризис является историческим аналогом перехода к эллинизму, когда распад полисной иерархии и возвышение культуры над природой лишили человека чувства смысла и принадлежности.

В условиях глобализации проблема универсализации и снижения статуса отдельной личности вновь становится центральной, заставляя людей искать ответы на сложные вопросы в древних учениях. Как следствие, принципы стоической философии и этики возвращаются в современный дискурс через каналы психологии и психотерапии, и это демонстрирует интерес к советам древних стоиков о том, как сохранять стойкость и внутренний баланс в условиях быстротечных социальных трансформаций.

Обращаясь к предпосылкам возникновения философии стоицизма, отметим, что его предтечей послужило объединение раздробленной олигархической Греции в монархию под единовластием Александра Македонского. Данное событие укрепило граждан Греции в стремлении к единству по сущности и по закону. В конце IV века до нашей эры появляется философская школа стоицизма, основанная Зеноном из города Китиона и ориентированная на поиск внутреннего единства всего сущего. Зенон оставил своим современникам ряд сочинений: «О жизни, согласной с природой», «Об эллинском воспитании», «О чтении поэзии», «Об обязанностях», однако из этих работ сохранились лишь фрагменты и упоминания названий. Зенон также увлеченно занимался устной популяризацией своих идей, выбрав для этого крытую галерею-портик с колоннами в Афинах, называемую «стоа» на древнегреческом языке. Впоследствии данное слово закрепилось в качестве названия новоявленной философской доктрины. Зенон первым разделил эту доктрину на три части: логику, физику и этику. Среди последователей школы стоицизма примечательны труды трех авторов: «Нравственные письма к Луцилию» и «О краткости жизни» Сенеки, «Беседы» и «Энхиридион» Эпиктета, записанные его учеником Аррианом, а также сборник афористических суждений «Размышления» Марка Аврелия.

Несмотря на различия подходов, все античные авторы едины в стремлении аргументированно изложить основные принципы философии стоицизма. Так, Эпиктет в начале «Энхиридиона» постулирует: «Из всех вещей одни находятся во власти нас, другие – нет...» [10, с. 39]. Этим изречением древний философ отсылает читателя к принципу дихотомии контроля, ставшего краеугольным камнем стоицизма. Данный принцип подразумевает, что мир делится на вещи, которые находятся под нашим контролем, и вещи, которые от нас не зависят. При этом человеческое благополучие зависит от того, насколько люди готовы сосредоточить свои усилия исключительно на принципе контроля.

Другим важным принципом стоиков является признание добродетели как высшего блага. При этом единственная цель жизни, как утверждает Марк Аврелий в «Размышлениях» [7], – существовать в согласии с добродетелью, состоящей из четырех основных качеств: мудрости, мужества, справедливости и умеренности. Наконец, стоики верили, что Вселенная управляется божественным разумом, или Логосом, упорядоченной природой. Жить «в согласии с природой» означает жить в согласии с этим вселенским началом и со своей собственной разумной природой [7].

Современные исследования философии стоицизма на международной арене включают труды представителей французской философской школы П. Адо [1],

М. Фуко, а также переводы произведений Сенеки Джоном Ристом. Среди отечественных историков философии примечательны исследования многих авторов: А.А. Столярова, А.Ф. Лосева [6], А.А. Гусейнова, П.А. Гаджикурбановой, А.С. Степановой [8]. В своей фундаментальной работе «Стоя и стоицизм» А.А. Столяров подчеркивает значимость стоицизма в сфере практической мудрости, так как стоицизм – это в первую очередь «определенный тип морального сознания» [9]. Данный автор углубляет значимость стоицизма как культурно-исторического феномена, выходящего за рамки чистой теории и предоставляющего потомкам ценные моральные наставления [9].

Особую научную ценность имеет эпилог исследования А.А. Столярова, в котором прослеживается оценка стоицизма в постантичные эпохи – от Средневековья до начала Новейшего времени [9]. Важным является вывод автора о том, что интерпретация стоицизма как терапевтической системы приобрела значительное влияние с начала XX века. Другой исследователь, П.А. Гаджикурбанова, в своей научной работе «Этика Ранней Стои: учение о должном» [3] рассуждает о нравственных и надлежащих действиях стоиков. При этом автор отмечает: «говоря современным языком, речь у стоиков шла о решении экзистенциальных задач – о дисциплине или культуре себя» [3, с. 16]. Стоики подчеркивали, что человек является крошечным фрагментом вселенной, или универсума, следовательно, его жизненный опыт, согласно точке зрения Пьера Адо, «заключается в ясном осознании трагического положения человека, всецело подчиненного судьбе» [1, с. 141], или фатуму. Более того, по мнению П.А. Гаджикурбановой, представители школы стоицизма отождествляли «...добродетель с искусствами (главным образом с танцами и актерской игрой), поскольку именно в искусстве осуществляется неразрывное единство практического и теоретического, к которому стремились стоики» [3, с. 33]. Данное сравнение способствовало иллюстрации контраста между мастером и профаном. П.А. Гаджикурбанова подчеркивает, что «профан может случайно достичь того же результата, что и мастер, но только мастер будет достигать его стабильно, неизменно, и все его действия будут согласованы и упорядочены» [3, с. 33]. Кроме того, стоики, как и платоники и перипатетики, утверждали, что совершенный разум тождественен мудрости и способен постичь истину о мире.

Свидетельством эффективности постулатов стоической морали и ее потенциала в стихии повседневной жизнедеятельности человека является поэтическое творчество Владимира Высоцкого, в частности его песни о профессиях, в которых поэт выходит за рамки простого описания труда, наделяя каждое стихотворение многогранным философским подтекстом о человеческом бытии. Как следствие, его песенные стихотворения о шахтерах, физиках, аквалангистах, шоферах, космических первопроходцах превращаются в притчи, раскрывающие экзистенциальные проблемы отдельного человека эпохи брежневского застоя.

В данной статье предпринята попытка лексико-семантического и статистического анализа выборки из 5 песенных маршей Владимира Высоцкого о профессиях для того, чтобы выявить средства образности, способствующие раскрытию проблематики философии стоицизма как значимой составляющей повседневности современного человека. Обратимся к первому четверостишию «Марша студентов-физиков» В.С. Высоцкого 1964 года, в котором проблематика стоицизма ощутима в демонстрации героической борьбы ученых, чей долг – познавать мир, несмотря на сложности [2, с. 343]:

*Тропы еще в антимир не протоптаны,
Но, как на фронте, держись ты!*

*Бомбардируем мы ядра протонами,
Значит, мы – артиллеристы.*

В данных строках авторская метафора о тропах в антимир становится символом неизведанных путей в науке, в частности в физике элементарных частиц, рассматриваемой поэтом как мир антиматерии. Также научная деятельность представлена как боевая операция, в ходе которой ученые-первопроходцы, подобно воинам, прокладывают тропу в неизвестном научном направлении. В контексте стоицизма данные метафоры раскрывают стоическую идею долга, внутренней дисциплины и мужества. Примечательна военная метафора во второй строке с призывом к выдержке перед лицом трудностей, а также описание научной «бомбардировки» атомных ядер протонами с вкраплением авторского неологизма «антиллеристы», отсылающего к слову «артиллеристы». Данный неологизм описывает ученых-воинов как «артиллеристов антимира», проводящих штурм крепости незнания с помощью особых научных орудий. Это одновременно и метафора, и неологизм.

Стоическая готовность ученого к тяжелому методичному труду и следование разуму проявляются также в пятикратном повторении автором следующего поэтического рефрена [2, с. 343]:

*Нам тайны нераскрытые раскрыть пора, –
Лежат без пользы тайны, как в копилке.
Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра,
На волю пустим джинна из бутылки!*

Поэт сравнивает нераскрытые тайны природы с деньгами в копилке, которые лежат без дела, тем самым подчеркивая нелепость такого положения вещей. Как и стоический мудрец, что неуклонно верит в победу разума и активных действий, ученый, воссозданный воображением Владимира Высоцкого, преисполнен физической энергии для преобразования окружающей среды силой разума, что подкреплено метафорой извлечения тайн, которое подобно прополке сорняка из посева. Образ глубинного и всеохватывающего овладения знанием подкрепляется в финальной строке аллюзией, отсылающей к известному мифу о джинне, заточенном в бутылке. В данной метафоре «джинн» олицетворяет скрытую могущественную силу природы, в частности ядерной энергии, которую ученые освобождают. С точки зрения стоицизма образ джинна подразумевает готовность ученого взять на себя ответственность за последствия своих открытий. Стоическое мужество заключается не только в том, чтобы совершить действие, но и в том, чтобы достойно принять его результаты, какими бы они ни были.

Заслуживают внимания авторские приемы иронии и гиперболы в пятой строфе стихотворения, где метафора олицетворения «*пусть не поймаешь нейтрино за бороду*» наделяет элементарную частицу нейтрино человеческим признаком, или бородой. Комичность данного образа усиливается последующей гиперболической метафорой «*взял его крепче за шкуру*», представляющей образ физика-теоретика, который буквально хватает неуловимую ядерную частицу. Далее поэт иронично добавляет, что «*...с этой плазмой дойдешь до маразма, и это довольно почетно*» [2], демонстрируя данной метафорой крайнюю степень ментального погружения ученых-физиков в сложнейшие проблемы физики плазмы.

В ракурсе проблематики стоической философии цепь метафор «*взять за шкуру*», «*вырвать с корнем у ядра*», «*поймать за бороду*» [2] идеально отражает стоическое отношение к препятствиям, рассматриваемым стоиками не как зло, а как материал для работы. Образы нейтрино и ядра атома становятся метафорами

неподвластной и сложной природы, перед которой ученые не пасуют, а активно вступают с ней в борьбу, стремясь понять и обуздать. Антитеза предпоследнего четверостишия «*Молодо, зелено! Древность – в историю!*» [2] актуализирует готовность ученых признать неизбежный ход прогресса, не цепляясь за прошлое.

Таким образом, в данном марше основной мотив стоицизма задает сквозная военная метафора в приблизительном объеме 40 % от общего количества тропов стихотворения. Именно военная метафора помогает осмыслить научный поиск через категории стоицизма, представляя жизнь как поле битвы за знание и создавая сложный философский образ ученых, наделенных, подобно стоическим мудрецам, мужеством и дисциплиной.

Далее рассмотрим начальные строки «Марша шахтеров» 1970 года, где поэт мастерски сочетает яркие тропы с глубокой философской мыслью [2, с. 312]:

*Не космос – метры грунта надо мной,
И в шахте не до праздничных процессий,
Но мы владеем тоже внеземной –
И самую земною из профессий.*

Образ шахтера в данных строках раскрыт посредством антитезы, так как данная профессия охарактеризована эпитетом «внеземная», или возвышенная по своей значимости и героизму, но одновременно с этим связанная с тяжелым трудом в недрах, т.е. «земная». Следствием данной антитезы с повторами частицы «не» становится оксюморон, или остроумное сочетание противоречивых понятий, оказывающих на читателя глубокое поэтическое воздействие. Далее поэт усиливает противопоставление опасности будничного труда шахтеров и его общественной пользы с помощью развернутой метафоры битвы в преисподней и «терзания чрева Земли», что соответствует стоическому принципу принятия невзгод ради высшей добродетельной цели. Для подтверждения рассмотрим второе четверостишие марша [2, с. 312]:

*Любой из нас – ну, чем не чародей?
Из преисподней наверх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей –
Свои котлы топить им будет нечем!*

Первая строка представляет собой риторический вопрос с философским подтекстом, который актуализирует почти магическую, сверхъестественную силу шахтеров, сравниваемых поэтом с чародеями. В то же время со второй строки поэт искусно наделяет шахтеров качествами воинов, вступающих в схватку с преисподней, или адом, и отбирающих топливо у «чертей». В развернутой метафоре «из преисподней наверх уголь мечем» глагол «мечем» используется не в прямом, а в переносном значении «с силой извлекаем» [5]. Данное описание придает действиям шахтеров героический, почти эпический характер.

Кроме всего прочего, развернутая метафора с упоминанием чертей, или злых духов в славянской мифологии, в третьей строке наделяет данное поэтическое повествование характеристиками мифа со стоической идеей противостояния враждебным силам и хаосу. В финальной строке автор транслирует легкую победную иронию над происками мифических чертей, олицетворяющих подземный мир, с которыми ведут борьбу шахтеры. При этом лозунг «Вперед и вниз» и риторическое восклицание «Мы будем на щите!» в предпоследнем четверостишии марша олицетворяют прямое выражение негибимой воли и готовности к самопожертвованию, что соответствует стоическому идеалу мудреца, сохраняющего добродетель вопреки обстоятельствам. Метафоры олицетворения «...терзаем чрево матушки-Земли» и «...прости за то, что роемся во чреве» [2] в четвертом и восьмом

четверостишиях подчеркивают стоическую идею осознанного принятия последствий своих действий шахтерами, тогда как императив пятого четверостишия «*Даешь стране угля!*» [2], представляющий историческую аллюзию на лозунги периода становления советской промышленности, символизирует готовность шахтеров к ударному труду и перевыполнению производственного плана.

Наиболее ярко проблематику стоицизма в данном марше Высоцкого отражают антитезы и метафоры в совокупном объеме приблизительно 80 % от общего числа средств образности. Именно антитезы демонстрируют внутренний конфликт осознания шахтерами «*дьявольской*» сути своей работы, однако через это прозрение советские труженики находят величие в своем труде.

Таким образом, Владимир Семенович Высоцкий создает не просто гимн труду, а философскую притчу, в которой шахта становится метафорой человеческой жизни, насыщенной опасностями и рисками, а шахтер ассоциируется с героем Стои, который, принимая все вызовы, находит в этом служении свой смысл и достоинство. Среди остальных маршей Владимира Высоцкого отметим «Марш космических негодяев» 1964 года, «Марш аквалангистов» 1968 года и «Марш о конце войны» 1977 года, которые также подчинены идее противостояния человека враждебным силам и стихиям. Дополним, что результаты статистического анализа вышеупомянутых песенных маршей Владимира Высоцкого выявили преобладание антитезы и метафоры в качестве ключевых тропов для раскрытия стоической философии и моральной этики.

В заключение отметим, что в песенных маршах Владимир Высоцкий сумел воссоздать своеобразную «профессиональную мифологию», наделив каждую выбранную специальность метафорой стоического отношения к жизни и проекцией духовного мира отдельного человека, развивающего внутреннюю устойчивость в условиях экзистенциальных вызовов.

Библиографический список

1. Адо П. Что такое античная философия? М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. 320 с.
2. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4 книгах. М.: Надежда-1, 1997. Книга 2. 624 с.; Книга 3. 576 с.
3. Гаджикурбанова П.А. Этика Ранней Стои: учение о должном. М.: ИФ РАН, 2012. 219 с.
4. Гусейнов А.А. Этика: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 460 с.
5. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка: в 3 томах. М.: АСТ, 2015. 3312 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000. Т. 5. 960 с.
7. Марк Аврелий. Размышления. М.: Наука, 1993. 248 с.
8. Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб.: Петрополис, 2012. 398 с.
9. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: Ками Групп, 1995. 448 с.
10. Эпиктет Симпликий. Энхиридион. Краткое руководство к нравственной жизни. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета. 2-е изд., испр. М.: Владимир Даль, 2021. 399 с.

THE PHILOSOPHICAL PARADIGM OF STOICISM IN THE SONG MARCHES OF VLADIMIR VYSOTSKY

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *This article, using lexical-semantic and statistical analysis, examines the philosophical subtext of Vladimir Vysotsky's song marches, specifically analyzing their reflections of Stoic philosophy. Key tropes that contribute to the disclosure of Stoic ethical principles in some of Vysotsky's marches are identified. The results of a statistical analysis of figurative language demonstrate the prevalence of metaphor and antithesis as tools for revealing the dynamics of Stoicism in this layer of the poet's poetry.*

Keywords: *globalization, stoicism, antithesis, hyperbolic metaphor, neologism, allusion.*

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 32:316.752

АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

О.И. Туманова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Туманова О.И., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-18-22

Аннотация. *В статье проанализированы функции государства, которые оно реализует в процессе сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Определенные в 2022 году и закреплённые в основах государственной политики ценности стали логичным и целесообразным ответом на угрозы и вызовы, с которыми столкнулась Российская Федерация в текущих условиях осуществления суверенной внешней и внутренней политики. Рассматриваемые функции направлены как на укрепление института государства, так и на совершенствование общественного развития. Отмечено, что транслируемые традиционные ценности позволяют сформировать моральные ориентиры будущих поколений, а это не только гарантирует преемственность, но и обеспечит устойчивое развитие российского общества на долгосрочную перспективу.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, государство, государственная политика, функции государства.*

С 2022 года Российская Федерация реализует государственную политику по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В условиях глобальной трансформации современного миропорядка особое внимание, которое уделяется обозначению моральных векторов развития государства и общества, представляется не только стратегически важным, но и своевременным направлением деятельности. Ценности, по мнению русского философа Н.О. Лосского, есть «нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого поступка» [3, с. 5], а значит, формирование ценностной системы имеет ключевое значение для государства, общества и личности.

Проектирование новой конструкции нравственных основ на самом деле представляет собой закономерный процесс в тех сложных условиях (как внешних, так и внутренних), в которых находится сегодня Российская Федерация. Этим обусловлен и высокий приоритет, который имеют ключевые направления и инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Закономерность и естественность главенствующей роли государства в процессе формирования моральных векторов развития отмечал немецкий политический философ К. Шмитт, указывавший на то, что «если государство устанавливает внешние условия нравственности, то это означает следующее: оно создает нормальную ситуацию» [6, с. 243].

В результате анализа представляется возможным сформулировать ряд функций государства, которые оно осуществляет в процессе реализации основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. К ним можно отнести:

- обеспечение государственной и общественной безопасности;
- создание условий, обеспечивающих единство общества;
- защиту суверенитета (государственного, культурного и т.д.);
- обеспечение нравственного развития общества;
- укрепление правовых основ развития государства.

Можно сделать вывод, что данные функции направлены не только на защиту самого института государства, но и на обеспечение условий, необходимых для совершенствования общественных процессов.

Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей обозначено в качестве одного из национальных интересов на современном этапе развития государства [4], а поэтому представляет собой один из объектов, на который в первую очередь направлены усилия по защите национальной безопасности.

Защита традиционных ценностей рассматривается в качестве важнейшей задачи государства. Речь идет об активном противодействии распространению деструктивной идеологии, т.е. «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей» [5]. В качестве носителей и источников распространения подобной идеологии обозначены не только экстремистские и террористические организации, отдельные средства массовой информации и коммуникаций, но и действия ключевых противников формирования нового многополярного мироустройства – Соединенных Штатов Америки и недружественных иностранных государств.

Еще одна функция, которую реализует государство в процессе защиты и сохранения традиционных ценностей, – создание условий, обеспечивающих единство

общества. При этом речь идет о единстве гражданском и политическом, которое создается за счет формирования общей для всех системы ценностей. Необходимо отметить, что единство государства всегда является единством в социальном многообразии [6, с. 247]. Однако традиционные ценности универсальны для различных социальных групп, не зависят от религии, национальности, политических предпочтений, экономических факторов и сформированы в процессе духовного, исторического и культурного развития многонационального народа России [5].

Всеобщность традиционных ценностей в данном случае обеспечивает не только единство различных лиц, связанных только общими ценностями, но и определяемую немецким философом Г. Гегелем почву «опосредствования, на которой дают себе свободу все частности, все случайности рождения и счастья, в которую вливаются волны всех страстей, управляемых лишь проникающим в них сиянием разума» [1, с. 228]. Таким образом, всеобщность ценностной системы может рассматриваться в качестве единственной меры, «при помощи которой всякая особенность способствует своему благу» [1, с. 228].

Формируемое общей ценностной системой политическое единство необходимо рассматривать как «высшее единство не потому, что оно властно диктует или нивелирует все остальные единства, но потому, что оно принимает решение и может внутри себя самого препятствовать всем другим группированиям диссоциироваться до крайней враждебности (вплоть до гражданской войны)» [6, с. 250]. Существование политического единства в государстве позволяет обеспечивать порядок, разрешая социальные конфликты индивидов и социальных групп [6, с. 250]. Таким образом, традиционные ценности способствуют сохранению гражданского мира, согласия и стабильного развития многонационального государства, которым является Российская Федерация.

Вместе с тем единство можно рассматривать и в качестве условия, позволяющего государству осуществлять функцию защиты суверенитета. Само по себе провозглашение официального курса на защиту и сохранение традиционных ценностей в текущей политической повестке может трактоваться как реализация государством своего суверенного права. В данном случае Российская Федерация продемонстрировала независимость и последовательность в определении нравственных основ своего развития, в то время как многие государства вынужденно принимают навязанную ценностную повестку, противоречащую национальным интересам.

Важнейшей на сегодняшний день функцией, которую реализует государство в процессе защиты и сохранения традиционных ценностей, является обеспечение нравственного развития общества. Само по себе государство, по мнению Г. Гегеля, «есть действительность нравственной идеи» [1, с. 283]. Предлагая обществу новую систему моральных ориентиров, государство формирует устойчивые представления о тех основах нравственности, которые не только необходимы в текущей ситуации, но и имеют стратегически важное значение в долгосрочной перспективе.

Последнее обстоятельство является весомым, поскольку формирование системы ценностей представляет собой длительный процесс. И здесь важно не просто отразить значимость традиционных ценностей в нормативных документах и обозначить курс на их сохранение и защиту, но и сформировать прочную основу для новой ценностной системы следующих поколений. Преемственность и системная работа позволят в дальнейшем воспринимать традиционные ценности не только в качестве элемента общероссийской гражданской идентичности, но и в качестве личных ценностей, значимых для каждого человека.

Важность подобного отношения отмечена Г. Гегелем, говорившим о том, что «если человек совершает тот или другой нравственный поступок, то он этим еще не добродетелен; он добродетелен лишь в том случае, если этот способ поведения является постоянной чертой его характера» [1, с. 205]. Традиционные ценности в таком случае можно рассматривать в виде добродетели будущих поколений, которая может быть определена в качестве «нравственной виртуозности» [1, с. 205]. Подобное качество приобретает особое значение для общества и государства, поскольку нравственность можно рассматривать как «понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания» [1, с. 200].

Однако традиционные ценности способствуют не только обеспечению нравственного развития общества, но и укреплению правовых основ развития государства. Это связано с тем, что только в условиях правового государства продвигаемые ценности приобретают свое истинное значение и могут быть приняты гражданами. Следовательно, главенство права не только повышает доверие к институтам государства и проводимой им политике, но и наполняет ценности теми смыслами, которые формируют представления общества о нормах и порядке, добре и зле. Только в условиях правового государства у человека появляется необходимость соотносить свои поступки с теми ценностными ориентирами, которые главенствуют в обществе. За счет этого формируется нравственность поступков, рассматриваемая немецким философом И. Кантом как соответствие, при котором «идея долга, основанная на законе, есть в то же время мотив поступка» [2, с. 240].

Анализируя функции государства, которые оно реализует в процессе сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, можно сделать вывод, что это не только попытка противостоять тем угрозам и вызовам, с которыми сталкивается страна в текущей политической ситуации, но и попытка заложить основы нравственного развития будущих поколений. Усилия, прилагаемые органами публичной власти при обязательном участии институтов гражданского общества, должны способствовать «повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса» [5].

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Кант И. Сочинения. М.: Чоро, 1994. Т. 6. 613 с.
3. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-Press, 1931. 135 с.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 18.03.2025).
5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 23.11.2022).
6. Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: НИУ ВШЭ, 2010. 272 с.

ANALYSIS OF FUNCTIONS OF THE STATE IN THE PROCESS OF PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES

O.I. Tumanova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article analyzes the functions of the state that it implements in the process of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The values identified in 2022 and enshrined in the foundations of state policy have become a logical and appropriate response to the threats and challenges faced by the Russian Federation in the current conditions of implementing its sovereign foreign and domestic policy. The functions under consideration are aimed at both strengthening the institution of the state and improving social development. It was noted that the traditional values being broadcast will help shape the moral guidelines for future generations, which will not only ensure continuity but also ensure the sustainable development of Russian society in the long term.*

Keywords: *traditional values, state, state policy, functions of the state.*

Об авторе:

ТУМАНОВА Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: maks69@bk.ru

About the author:

TUMANOVA Olga Igorevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: maks69@bk.ru

УДК 101.1:316.624

СУИЦИДАЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЧАСТЬ 1. ОНТОЛОГИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Л.В. Удалова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Удалова Л.В., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-22-27

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблематики суицидальности как экзистенциального феномена, укорененного в условиях тотального социального отчуждения современного общества. Анализ причинных детерминант суицидального поведения указывает на то, что традиционные психологические и медико-биологические модели редукционистского типа оказываются недостаточными для понимания этого явления без обращения к структурным характеристикам социального бытия и онтологическим параметрам человеческого*

существования, его экзистенциальным константам. Особое внимание уделено трансформации социального отчуждения в экзистенциальный вакуум, провоцирующий утрату онтологического смыслообразования и разлом между бытием и сущностью человека. Выявление рисков, обусловленных тотализацией отчуждения в общественных формациях, позволит разработать результативные подходы к профилактике суицидального поведения, учитывающие онтологический статус отчуждения как конститутивного признака социальности.

Ключевые слова: *суицидальность, отчуждение, экзистенциальный кризис, человек, идентичность, онтология, бытие, смыслообразование, самоопределение, смыслополагание.*

Введение. В XXI веке суицидальное поведение перестало быть предметом исключительно морально-этического или медико-психологического рассмотрения и заняло центральное место в философской рефлексии о кризисе современной цивилизации. Парадоксально, но увеличение материального благосостояния сопровождается ростом суицидальных тенденций, и это свидетельствует о том, что источник суицидальности лежит не в сфере экономической проблематики, а в более глубоких онтологических слоях человеческого существования. Современное общество характеризуется беспрецедентным нарастанием процессов отчуждения: отчуждением труда, результатов деятельности, социальных отношений, собственного тела и, наконец, самой возможности субъектного самоопределения. В условиях такого тотального отчуждения исходное чувство принадлежности к миру и ощущение онтологической вовлеченности замещаются опытом дезориентации, деперсонализации и экзистенциального беспокойства.

Феномен суицидальности в условиях отчуждения представляет собой не только индивидуальный патологический акт, но и симптом системного кризиса смыслообразования, который поражает значительные социальные группы и демонстрирует нарушение фундаментальных связей между человеком и миром. Это требует переосмысления суицида не только как акта автономного выбора индивида, но и как выражения деструктивности структурных условий, при которых экзистенциальное отчуждение достигает критической точки, делая продолжение жизни субъективно невозможным.

Цель исследования состоит в философском анализе суицидальности как следствия тотального социального отчуждения, в выявлении онтологических механизмов, трансформирующих объективное социальное отчуждение в экзистенциальный кризис, и обосновании необходимости переосмысления проблемы суицидальности в категориях социально-философского дискурса. Актуальность исследования заключается в том, что вместо традиционного подхода, рассматривающего суицид как результат индивидуальной психопатологии или социальной аномии, предлагается интегративный анализ, в котором отчуждение воспринимается как онтологическое состояние, обусловившее деградацию смыслоформирующих конструкций человеческого бытия.

Проблемное поле исследования. Причину суицида определяют такие факторы, как напряжение, беспокойство, тревожность, страх. Их порождению способствует расхождение, несогласованность между «стандартами», определенными обществом и представлением человека о себе в этом обществе [6, с. 621]. Проблематика исследования обусловлена рядом теоретических и практических вопросов, требующих разрешения.

Первая проблема касается соответствия концептуальных конструкций реальности для описания суицидальности. Редукционистские психиатрические схемы, сводящие суицид к проявлению психопатологии, и социологические подходы, рассматривающие суицид как следствие социальной дезинтеграции [6], не охватывают основополагающий уровень отчуждения, при котором для человека разрушаются условия возможности смыслообразования и субъектного действия. Современная реальность требует разработки философско-онтологической концептуальной парадигмы, которая позволит понимать суицидальность одновременно и как результат структурных социальных процессов, и как экзистенциальный выбор, осуществляемый в состоянии онтологической неуверенности.

Вторая проблема состоит в характеристике специфических механизмов трансформации социального отчуждения в экзистенциальный кризис. Если отчуждение труда и отчуждение социальных отношений описаны в классической социально-философской литературе [4, 8], то вопрос о том, как эти объективные социальные процессы проявляются в форме экзистенциального отчаяния и потери реальности, требует дальнейшего прояснения. Здесь необходим анализ промежуточных звеньев, связывающих макросоциальные структуры с субъективной экзистенциальной реальностью.

Третья проблема связана с функцией десубъективации как процессом уничтожения автономии индивидуального сознания, что ведет к утрате личностной идентичности как связующего механизма между отчуждением и суицидальностью. В современных условиях, характеризующихся насыщенной коммуникативной интегрированностью, стандартизацией, обезличиванием общественных связей, анонимизацией социальных отношений, человек подвергается интенсивной деиндивидуализации, утрачивая чувство собственной уникальности и субъектности. Вопрос о том, как эта утрата индивидуальности связана с суицидальными наклонностями, требует специального философского осмысления.

Философский дискурс: отчуждение как онтологическое состояние современности. Анализ феномена отчуждения был осуществлен К. Марксом, который выделил несколько аспектов отчуждения: отчуждение результатов труда, отчуждение процесса труда, отчуждение человека от своей родовой сущности и отчуждение человека от человека. Критически важным для анализа является идея К. Маркса об отчуждении от родовой деятельности – условие, при котором труд, вместо того чтобы быть выражением человеческой сущности, становится инструментом выживания, чуждым самому человеку [4].

Классический марксизм трактует отчуждение преимущественно в социально-экономических категориях, связывая его с капиталистическим способом производства и частной собственностью. Это ограничивает возможности понимания того, как отчуждение проникает в самые глубокие пласты экзистенциального опыта человека, становясь не просто условием экономической эксплуатации, а условием возможности самого человеческого существования.

Развивая марксистскую традицию в направлении психоаналитической философии, Э. Фромм показал, что отчуждение в современном индустриальном обществе приобретает характер духовной эпидемии. Э. Фромм развивал идею о том, что отчуждение – это не только социально-экономический феномен, но и психологическое состояние, при котором человек теряет контакт со своей подлинной сущностью. Данное состояние сопровождается чувством пустоты, отчаяния и отсутствия смысла [8].

Франкфуртская школа критической теории углубила анализ отчуждения, показав, как индустриальное общество создает «интегрирующую функцию» идеологии, которая скрывает истинные источники отчуждения. Г. Маркузе утверждал, что современное индустриальное общество характеризуется репрессивной десублимацией, порождающей ложное ощущение свободы при тотальном усилении механизмов социального контроля. Индивид погружается в одномерность существования, где исключены как подлинное отрицание системы, так и путь к ее преодолению. Итогом становится «общество одномерных людей», онтологически отчужденное от других субъектов и социальных институтов [5].

В XX веке концепция отчуждения трансформировалась в более широкую категорию антропологического кризиса, где современное общество характеризуется кризисом самой человеческой природы, потерей способности к экзистенциальному самоопределению.

К. Ясперс писал о «трагической духовной ситуации эпохи», которая характеризуется тем, что технический прогресс опережает духовное развитие, создавая ситуацию, в которой человек становится средством для безличных социальных и экономических процессов. Техника трансформирует фундаментальное состояние человеческого бытия. Техногенные структуры порождают массовое общество, в котором человек сводится к статистической единице. Бытие индивида определяется не свободным выбором, а безличными процессами массовости [10].

М.К. Мамардашвили ввел термин «антропологическая катастрофа», обозначая этим не просто кризис ценностей, а кризис самой возможности человеческого существования в его подлинном смысле. М.К. Мамардашвили полагал, что современное общество порождает «механизм производства» деградированного, примитивного, одномерного человека, неспособного к подлинному экзистенциальному выбору. Центральный симптом антропологической катастрофы (по М.К. Мамардашвили) – утрата способности к осмыслению. Человек живет, но не понимает зачем, функционирует, но не существует как субъект, задающий себе вопросы.

Родоначальник научной социологии суицида Э. Дюркгейм сделал заключение о том, что суицид – это не только результат индивидуальной патологии, но и социальный феномен, определяемый коллективными силами общества. Э. Дюркгейм писал, что каждое общество онтологически детерминировано определенным уровнем суицидальности. Эта социологическая константа столь же устойчива, как его демографические параметры, климатические условия или производственные способности [1]. Хотя Э. Дюркгейм не использовал термин «отчуждение», его анализ ясно показывает, что суицид – это выражение разрыва между индивидом и социальной системой, потери чувства принадлежности и смысла.

Французский экзистенциалист А. Камю поставил вопрос о суициде в самых радикальных выражениях. Для А. Камю суицид – это не результат психопатологии или социальной аномии, а логическое следствие осознания абсурда, являющегося фундаментальной характеристикой человеческого существования [2]. А. Камю утверждал, что суицид является прямым ответом на ситуацию абсурда, когда человеческий разум ищет смысла в мире, который принципиально лишен смысла. В условиях полного отчуждения человека от мира, где все переживания теряют свою аутентичность, а сам человек растворяется в безличных социальных процессах, абсурд становится единственной истиной. А. Камю не утверждал, что следует совершить суицид, вместо этого он предлагал признать абсурд и прожить жизнь в его условиях, уподобившись Сизифу, толкающему камень вверх по горе.

В концепции, сформулированной А. Камю, утверждается, что «есть только одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [2, с. 55]. Эта концепция актуальна во все времена, и XXI век – не исключение. Сегодня человечество столкнулось со всеобъемлющим кризисом отчуждения, ведущим к потере смысла жизни. Непреодолимость (а иногда и неразрешимость) этого кризиса способствует принятию человеком решения покончить с собой. Причиной ухода из жизни становится такое экзистенциальное состояние человека, которое сопровождается восприятием мира как абсолютного зла, вследствие чего трансформируется отношение к главной ценности человека, а именно ценности его жизни [7].

Проведенный анализ показывает, что суицидальность в современном обществе – это не просто психологический феномен и не просто результат социальной дезинтеграции, а выражение глубокого онтологического кризиса, обусловленного тотальным отчуждением. Данный кризис характеризуется разрывом между объективным бытием человека и возможностью подлинного существования как субъекта, способного к самоопределению, смыслополаганию, подлинной связи с другими.

Заключение. На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что суицидальность – это не патологический феномен, локализованный в психике отдельного человека, а системный кризис смысла, который обусловлен структурным отчуждением, поражающим значительные социальные группы. Суицидальность показывает границы возможности человеческого существования в условиях тотального отчуждения. Она является не столько показателем психического здоровья отдельного человека, сколько показателем здоровья самого общества. Путь преодоления суицидальности лежит не в сфере индивидуальной психотерапии, а в онтологическом переустройстве самой структуры современного общества – в восстановлении человека как подлинного субъекта, в создании социальных форм, которые не сводили бы человека к его функции в социуме, а позволяли бы ему быть самим собой.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. А.Н. Ильинский; под ред. В.А. Базарова. М.: Юрайт, 2025. 317 с.
2. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе. М.: АСТ, 2024. 512 с.
3. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. М.: Азбука, 2023. 352 с.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: АСТ, 2024. 224 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
6. Удалова Л.В. Основополагающие факторы и психические состояния, способствующие суицидальному поведению // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: сборник материалов IV Всероссийской научной конференции с международным участием, Казань, 08–10 ноября 2023 года. Казань: Издательство федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2023. С. 620–624.
7. Удалова Л.В. Самоубийство как саморазрушающее поведение человека // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2024. № 1 (36). С. 26–30.
8. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2023. 352 с.

9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
10. Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013. 288 с.

SUICIDALITY IN CONDITIONS OF TOTAL ESTRANGEMENT PART 1. ONTOLOGY OF ESTRANGEMENT AND EXISTENTIAL CRISIS

L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the problem of suicidality as an existential phenomenon rooted in the conditions of total social alienation in modern society. The analysis of the causal determinants of suicidal behavior indicates that traditional psychological and biomedical reductionist models are insufficient to understand this phenomenon without considering the structural characteristics of social existence and the ontological parameters of human existence and its existential constants. Special attention is paid to the transformation of social alienation into an existential vacuum, which provokes the loss of ontological meaning and the rift between human existence and essence. Identifying the risks associated with the totalization of alienation in social formations will allow for the development of effective approaches to the prevention of suicidal behavior that take into account the ontological status of alienation as a constitutive feature of sociality.*

Keywords: *suicidality, alienation, existential crisis, human, identity, ontology, being, meaning-making, self-determination, meaning-making.*

Об авторе:

УДАЛОВА Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lv.udalova@mail.ru

About the author:

UDALOVA Larisa Viktorovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lv.udalova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316:78-057.875(470.331)

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТвГТУ

М.В. Блохина, Л.Г. Григорьев

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Блохина М.В., Григорьев Л.Г., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-28-33

***Аннотация.** Статья посвящена музыкальным молодежным субкультурам как особому социокультурному феномену современного общества. Изучены особенности музыкальных субкультурных сообществ, раскрыта специфика субкультурной активности студентов. На основе данных прикладного социологического исследования, проведенного в Тверском государственном техническом университете, выявлены информированность студентов о музыкальных субкультурах, мотивы включения в их деятельность, факторы привлекательности подобных групп для молодежи, признаки, объединяющие участников музыкальных субкультурных сообществ, а также наиболее популярные в студенческой среде субкультуры.*

***Ключевые слова:** субкультуры, музыкальные субкультуры, студенты вузов, социологическое исследование.*

Важной особенностью современного общества является его субкультурная дифференциация, возникновение и развитие различных субкультурных образований. Под субкультурой обычно понимают часть общей культуры социума, порожденную определенной социальной группой и отражающую ее специфические характеристики. В социально-гуманитарных науках субкультурные группы различают по самым разным критериям: этническим, религиозным, профессиональным, социально-экономическим. Наиболее распространен подход, предполагающий выделение субкультур по возрастному признаку. Среди подобных субкультурных общностей самым ярким явлением считается молодежная субкультура с присущими ей особенностями (ценностями и нормами, вкусами и предпочтениями, сленгом, источниками информации и каналами коммуникации). С одной стороны, молодежная субкультура отражает социально-психологические особенности молодого поколения и его образ жизни, с другой – оказывает значительное влияние на социализацию детей, подростков, молодежи.

Очевидно, что самым заметным направлением субкультурной деятельности являются молодежные субкультуры, вот уже несколько десятилетий во многом формирующие социокультурный облик подрастающего поколения. Меняются музыкальные стили и направления, неизменным остается устойчивый интерес молодого поколения к музыке, увлечение которой становится основой формирования

субкультурных общностей. Поэтому изучение места молодого поколения в современном российском социуме, особенностей его социализации, характерных для него ценностей и идеалов, разработка стратегии и тактики молодежной политики невозможны без глубокого научного анализа феномена музыкальных молодежных субкультур. В социально-гуманитарном знании накоплен значительный опыт изучения подобных субкультур, в частности музыкальных сообществ. Глубокий анализ особенностей молодежных субкультурных групп в постсоветской России предложил в своей известной статье В.А. Луков [6]. Сравнительно недавно опубликованы как новые обобщающие работы [3, 8], так и исследования, посвященные отдельным аспектам функционирования молодежных субкультур [1, 9] и особенностям конкретных музыкальных субкультурных групп [2, 7, 10].

Кафедрой социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета (ТвГТУ) также на протяжении нескольких десятилетий проводятся исследования различных субкультурных феноменов, функционирующих в молодежной среде [4, 5]. В 2025 году в ТвГТУ было организовано и проведено прикладное социологическое исследование, посвященное отношению студенчества к музыкальным молодежным субкультурам. Всего с помощью метода анкетирования было опрошено 300 студентов, представляющих разные факультеты и курсы университета.

В ходе исследования была выявлена информированность студентов о молодежных музыкальных субкультурах. На вопрос «Знаете ли вы, что такое молодежная музыкальная субкультура?» 63 % респондентов ответили однозначно «да», каждый четвертый студент затруднился с ответом (25 %), лишь 12 % участников ответили отрицательно. Исследование показало, что студенты по-разному относятся к молодежным музыкальным субкультурам. Чуть более половины опрошенных сообщили о своем нейтральном отношении (53 %), положительно оценивают молодежные музыкальные субкультуры 44 % респондентов, о негативном отношении заявили лишь 3 % студентов. Особый интерес представляют ответы на вопрос «К какой молодежной субкультуре вы принадлежите?» (табл. 1). Более половины участников исследовательского проекта отрицают факт своей принадлежности к какой-либо субкультуре (51 %). Чаще всего студенты идентифицируют себя с субкультурами рэперов (8 %), панков (7 %), металлистов (5 %), готов (3 %).

Таблица 1

Принадлежность студентов к молодежным субкультурам

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Не отношу себя ни к какой субкультуре	51,0
Рэперы	8,0
Панки	7,0
Металлисты	6,0
Готы	3,0
Рейверы	3,0
Другое	22,0
Всего	100,0

Две трети респондентов уверены, что музыкальные молодежные субкультуры влияют на развитие современного молодого поколения (76 %), отрицают подобное воздействие только 6 % участников исследовательского проекта. По-разному студенты

оценивают и влияние музыкальных субкультур на молодежь. 48 % респондентов считают такое влияние положительным, 46 % участников опроса не смогли оценить его однозначно и затруднились с ответом, лишь 7 % опрошенных охарактеризовали влияние музыкальных субкультур на молодежь как негативное. Таким образом, подавляющее большинство участников опроса относятся к музыкальным молодежным субкультурам положительно или нейтрально.

Разобраться с тем, каковы причины вступления подростков и молодежи в музыкальные субкультурные сообщества, также был призван исследовательский проект (табл. 2). Выяснилось, что наиболее значимыми мотивами включения молодых людей в субкультурные объединения являются «стремление к самовыражению» (86 %), «стремление к свободе» (72 %), «одинокчество» (52 %).

Таблица 2

Причины вступления в музыкальные молодежные субкультуры

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Стремление к самовыражению	86,0
Стремление к свободе	72,0
Одинокчество	52,0
Непонимание родителей	30,0
Стремление к защищенности	18,0
Другое	3,0
Всего	261,0*

**Примечание. Общее число ответов опрошенных респондентов больше 100 %, так как можно было указать несколько вариантов.*

На протяжении многих десятилетий музыкальные субкультурные сообщества притягивают молодых людей, несмотря на кардинальные перемены в политическом строе, социально-экономической системе, духовной жизни социума. Что определяет привлекательность музыкальных субкультур для молодого поколения? На подобный вопрос также требовалось ответить студентам, участвовавшим в опросе (табл. 3). Исследование показало, что для участников музыкальных субкультурных образований наиболее ценным представляется общение с единомышленниками (78,9 %), возможность выделиться (68,8 %), простор для самовыражения (67,2 %).

Таблица 3

Причины привлекательности музыкальных субкультур для молодежи

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Наличие единомышленников	78,9
Возможность выделиться	68,8
Возможность самовыражения	67,2
Возможность получить новые эмоции	58,6
Отвлечение от повседневных проблем	52,3
Это модно	25,8
Всего	351,6*

**Примечание. Общее число ответов опрошенных респондентов больше 100 %, так как можно было указать несколько вариантов.*

Известно, что в российском обществе молодежные музыкальные субкультуры часто стигматизируются, а их представителям приписывается девиантное поведение. Поэтому в ходе исследования были выявлены причины негативной реакции людей на представителей молодежных музыкальных субкультур. По данным исследования, неприязнь к субкультурным группам в первую очередь связана с «боязнью нового и непонятного» (25,9 %), «неприятием идей субкультуры» (25,1 %), «отталкивающим внешним видом представителей субкультуры» (24,5 %) и их чрезмерной активностью (9,7 %).

Музыкальные субкультурные сообщества объединяют определенную часть современной молодежи, формируют у нее ощущение групповой принадлежности. В связи с этим заслуживают внимания признаки, объединяющие участников молодежных музыкальных субкультур (табл. 4). По мнению студентов ТвГТУ, принявших участие в социологическом исследовании, наиболее прочными скрепами, сплачивающими музыкальные субкультурные группы, выступают «приверженность к определенному музыкальному направлению» (29,2 %), «желание быть не таким, как все» (19,5 %), «протест против лицемерия и фальши в окружающем мире» (18,1 %)

Таблица 4

Признаки, объединяющие участников молодежных музыкальных субкультур

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Приверженность к определенному музыкальному направлению	29,2
Желание быть не такими, как все	19,5
Протест против лицемерия и фальши в окружающем мире	18,1
Манера одеваться	13,5
Разочарование в устоявшемся укладе обыденной жизни	12,3
Политические взгляды	4,1
Взгляды на жизнь в целом	3,3
Всего	100,0

Студентам ТвГТУ также требовалось ответить на вопрос «Какая, по вашему мнению, музыкальная субкультура наиболее популярна в молодежной среде?». Это позволило определить рейтинг популярности различных субкультурных общностей среди студенческой молодежи (табл. 5). Примерно две трети участников опроса считают наиболее популярной субкультуру рэперов (67,3 %), значительно отстают занявшие второе и третье места субкультуры панков (12,7 %) и металлистов (8,2 %).

Таблица 5

Рейтинг популярности музыкальных субкультур в молодежной среде

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Рэперы	67,3
Панки	12,7
Металлисты	8,2

Окончание табл. 5

Варианты ответа	Доля ответивших, %
Рейверы	4,6
Готы	1,8
Эмо	1,8
К-поперы	0,9
Брейккорщики	0,9
Другое	1,8
Всего	100,0

Проведенное исследование показало, что субкультурная активность по-прежнему остается важной характеристикой студенческой молодежи; включаясь в нее, молодые люди удовлетворяют потребности в значимых межличностных отношениях, в расширении дружеских связей, в причастности, признании и знакомстве с разнообразным социальным опытом, в принятии различными социальными группами. Музыкальные субкультуры уже давно стали надежным инструментом удовлетворения подобных потребностей. Эффективная молодежная политика в вузе должна учитывать многообразие молодежных субкультур, искать формы конструктивного диалога с ними. Необходимо создавать каналы для самореализации молодых людей, позволяющие выразить свою индивидуальность и творческие способности, а регулярные социологические исследования субкультурной деятельности молодежи дадут возможность оценить их эффективность.

Библиографический список

1. Андреев В.К., Дмитриева С.О., Никитина Т.Г. Динамика лексикона молодежных субкультур (по материалам интернет-форумов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 2. С. 36–48.
2. Андреева О.В., Полникова В.И. Музыкальная молодежная субкультура К-поп: характерные признаки и типичный представитель // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15. № 3. С. 208–221.
3. Бадмаева М.В., Соколова С.С. Формирование концепта «молодежная субкультура» в современном обществознании // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. Т. 1. С. 71–78.
4. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Молодежные субкультуры в современном обществе: монография. Тверь: ТГТУ, 2004. 128 с.
5. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Субкультурная деятельность студентов регионального вуза // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: материалы Всероссийской (заочной) научно-практической конференции: в 2 ч. / под общ. ред. И.И. Павлова. Тверь: ТвГТУ, 2018. Ч. 2. С. 127–130.
6. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79–87.
7. Пасынкова С.Д. Молодежные субкультуры в современной России // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. Т. 1. № 4 (49) С. 7–11.
8. Поломошнов Л.А., Колышкина М.С. Молодежная субкультура: проблема типологии // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 3А-4А. С. 41–49.

9. Полянская Е.Н., Каргина Н.В. Музыкально-стилевые предпочтения российских студентов // Проблемы педагогики и психологии. 2018. № 1. С. 187–194.
10. Шмакова Д.А., Колозов Д.П. Влияние российской музыкальной субкультуры хип-хоп на политические взгляды молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6. С. 58–62.

MUSICAL SUBCULTURES AMONG STUDENTS: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH AT TvSTU

M.V. Blokhina, L.G. Grigoryev
Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article is devoted to musical youth subcultures as a special socio-cultural phenomenon of modern society. The peculiarities of musical subcultural communities are studied, the specifics of students' subcultural activity are revealed. Based on the data of an applied sociological study conducted at the Tver State Technical University, students were informed about musical subcultures, motives for inclusion in their activities, factors of attractiveness of such groups for young people. Signs that unite participants in musical subcultural communities, as well as the most popular subcultures in the student environment, have been studied.*

Keywords: *subcultures, musical subcultures, university students, sociological research.*

Об авторах:

БЛОХИНА Марина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: bmvstu@mail.ru

ГРИГОРЬЕВ Леонид Геннадьевич – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: grig1969@rambler.ru

About the authors:

BLOKHINA Marina Valeryevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Sociology and Social Technologies Subdepartment, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: bmvstu@mail.ru

GRIGORYEV Leonid Gennadyevich – Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Sociology and Social Technologies Subdepartment, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: grig1969@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ И ПАРАДОКСЫ МЕЖСТРОЧНОГО ИНТЕРВАЛА: ОТ ПИШУЩИХ МАШИНОК ДО ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

С.Н. Гамаюнов

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Гамаюнов С.Н., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-34-40

Аннотация. В статье исследована проблема отсутствия единого унифицированного стандарта форматирования научных работ в России. Подчеркнуто, что действующие внутренние регламенты вузов часто основываются на устаревшем ГОСТ 7.32-2001. Выявлен парадокс требования полуторного межстрочного интервала в современных текстовых редакторах, корни которого лежат в технических ограничениях пишущих машинок 1980-х годов (ГОСТ 7.32-81). Проведен анализ несоответствия исторического и современного значений данного параметра. Обоснованы негативные экономические и экологические последствия перерасхода бумаги (до 22 %) и снижения читаемости текста из-за неоптимального интервала, подтвержденные исследованиями в области эргономики и когнитивной психологии. Предложено научно обоснованное решение – использование коэффициента 1,25 для шрифта Times New Roman 14 пт, что обеспечивает историческую преемственность и оптимальное расстояние для чтения (6,16 мм). Внесены рекомендации по пересмотру стандартов на уровне регулирующих органов для повышения эффективности научной коммуникации и устойчивого развития.

Ключевые слова: стандартизация, межстрочный интервал, ГОСТ, форматирование текста, научные работы, экономия ресурсов, читаемость, эргономика, документооборот, ВАК.

Введение. В современной России ежегодно создается значительное количество рукописных работ, включая кандидатские и докторские диссертации, дипломные проекты и выпускные квалификационные работы (ВКР). Несмотря на их высокую научную ценность и необходимость унификации, в стране до сих пор отсутствует единый стандарт форматирования для этих ключевых научных трудов. Каждое образовательное учреждение разрабатывает собственные внутренние требования к оформлению, что приводит к разрозненности. Эта ситуация порождает методологические и практические проблемы, снижая единообразие и эффективность научной коммуникации, а также приводя к неоправданному перерасходу бумаги – ресурса, который исчисляется тоннами ежегодно, что напрямую влияет на экономическую и экологическую устойчивость научных организаций.

Примечательно, что за основу внутренних регламентов зачастую берется единственный действующий стандарт – ГОСТ 7.32-2001 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления» [1]. Однако этот ГОСТ изначально предназначен для совершенно иных документов, а именно для «Отчетов о научно-исследовательской работе». Возникает вопрос, насколько корректно применять его к

диссертациям и ВКР, которые содержат элементы исследования, но не всегда полностью соответствуют формату опытно-исследовательских отчетов и требуют специфического подхода к оформлению, в том числе для оптимизации использования ресурсов. Одной из наиболее ярких и, как будет показано далее, парадоксальных рекомендаций этого стандарта, перешедшей и во внутренние регламенты, является требование использовать шрифт Times New Roman размером 14 пунктов и соблюдать полуторный межстрочный интервал в Microsoft Word. Исторические корни данного требования редко становятся предметом глубокого анализа. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью критического переосмысления унаследованных стандартов форматирования именно диссертаций и ВКР в контексте современных технологических возможностей и экологических императивов, а также их влияния на читаемость, экономичность и общую эффективность научной коммуникации.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе историко-технологических, психофизиологических, экономических и экологических аспектов эволюции стандартов межстрочного интервала, выявлении несоответствий современного подхода и предложении обоснованных решений для оптимизации форматирования научных текстов с особым вниманием к диссертациям и ВКР.

Исторический контекст и эволюция стандартов. Чтобы понять причину такого предписания, необходимо обратиться к истории стандартизации оформления текстов. Современный ГОСТ 7.32-2001 является преемником стандарта от 1991 года, который, в свою очередь, представлял собой «обновление» ГОСТ 7.32-81 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Общие требования и правила оформления» [2]. Именно в ГОСТ 7.32-81, разработанном в эпоху доминирования пишущих машинок, было четко прописано требование о полуторном интервале. Это положение впоследствии было механически перенесено в более поздние стандарты без должного анализа и учета кардинальных изменений в печатных технологиях, произошедших за последние 40 лет. Исторически советская система стандартизации (ГОСТ) была частью централизованной и плановой системы управления наукой, направленной на унификацию и эффективное распространение информации, что отразилось и на требованиях к оформлению документов, включая будущие диссертации и научные отчеты. Эта система стремилась к максимальной эффективности и экономии ресурсов, что проявлялось в строгой регламентации даже таких деталей, как межстрочный интервал, а также в приоритете коллективной работы и стандартизации научного знания.

Визуальное сопоставление старого машинописного текста с документом, оформленным по современным требованиям, позволяет выявить их существенное расхождение. В период до 1980-х и даже до 1990-х годов основным средством создания рукописных работ были механические, а затем и более скоростные электрические пишущие машинки. ГОСТ 7.32-81 закреплял фиксированный одинарный интервал в 4,2 мм, что соответствовало размеру литер для шрифта Courier 12 и шагу каретки пишущих машинок 1/6 дюйма. Этот стандарт учитывал как требования удобочитаемости, так и насущную необходимость экономии бумаги.

Советские пишущие машинки 1980-х годов, такие как «Ятрань» и «Украина», были оснащены кареткой с шагом 1/6 дюйма, или 4,23 мм. Полуторный интервал на таких машинках составлял 6,345 мм. Это значение было тщательно выверено экспериментально как оптимальное сочетание читаемости и экономии бумаги. Шаг каретки в 4,23 мм был обусловлен специфической геометрией зубчатой рейки, имеющей 85 зубцов на 180 мм длины окружности барабана. Кроме того, при печати

через копировальную бумагу такой интервал позволял текстам на последующих листах не сливаться, обеспечивая минимальную читаемость.

Другим важным фактором, влиявшим на стандарты оформления, было обязательное микрофильмирование научных работ и исследовательских отчетов. Для этого создавались позитивные фотоизображения на стандартную 35-миллиметровую пленку, что также накладывало свои требования на размер шрифта и межстрочные интервалы, которые и легли в основу ГОСТ 7.32-81. Примечательно, что подобная проблематика (хотя и в ином контексте) встречается и в международных рекомендациях. Например, такие стандарты, как APA (American Psychological Association) или MLA (Modern Language Association), предписывающие двойной интервал для академических работ [3], исходят из современных типографских норм, а не из ограничений механических устройств. Это демонстрирует, как адаптация к технологическому прогрессу является ключевым аспектом в формировании релевантных стандартов оформления документов.

Сопоставление с современными текстовыми редакторами. С появлением компьютерных технологий и настольных издательских систем принципы оформления текстовых документов коренным образом изменились. Если в эпоху механической печати интервал был абсолютной физической величиной, то в цифровую эру он стал относительным параметром, зависящим от размера используемого шрифта. Современные текстовые процессоры используют сложные алгоритмы расчета межстрочных расстояний, учитывающие не только основной коэффициент, но и особенности конкретной гарнитуры, наличие диакритических знаков и другие факторы. При этом сохранилась устаревшая терминология («полуторный интервал») без должного учета кардинальных технологических изменений. Как показали исследования, это привело к существенному расхождению между историческим значением данного параметра и его современной реализацией в популярных текстовых редакторах.

В компьютерных системах размер шрифта измеряется в пунктах (пт), где один пункт равен $1/72$ дюйма, или примерно 0,352 8 мм. Таким образом, шрифт размером 14 пт означает, что высота символов составляет $14 \times 0,352\ 8\ \text{мм} = 4,94\ \text{мм}$. Это уже превышает максимальное значение 4,5 мм, характерное для машинописного текста, на 10 %. Если же используется шрифт 12 пт, высота букв при печати будет $12 \times 0,352\ 8\ \text{мм} = 4,23\ \text{мм}$, что точно соответствует размеру наиболее распространенных моделей пишущих машинок в СССР. Для решения обратной задачи и получения стандартного машинописного интервала 4,25 мм нужен компьютерный шрифт размером $4,25 / 0,352\ 8 = 11,8 \approx 12$ пт. С таким размером шрифта будут получаться наиболее близкие значения в размере букв и интервалов к исходному ГОСТу от 1981 года.

При использовании полуторного интервала (коэффициент 1,5) для шрифта Times New Roman 14 пт межстрочное расстояние составит $1,5 \times 4,94\ \text{мм} = 7,4\ \text{мм}$. Это значение в 1,17 раза больше, чем полуторный интервал пишущей машинки (6,345 мм). Таким образом, современный «полуторный интервал» в Word значительно отличается от своего исторического аналога.

Для более точного воспроизведения машинописной страницы в текстовом редакторе Word рекомендуется установить следующие параметры: формат листа: А4; тип шрифта: моноширный (например, Courier New, Consolas, Lucida Console); кегль: 12; межстрочный интервал: 24 пт (что соответствует двойному интервалу); поля: левое – 35 мм, правое – 15 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 19 мм.

При использовании 12-го кегля на странице формата А4 помещается от 2 500 до 3 000 знаков, что составляет в среднем 380 русских слов на лист. Если же используется 14-й кегль (1 800 символов), количество слов сокращается до 250.

Ошибка «полуторного интервала» и ее последствия. Основная ошибка полуторного интервала заключается в том, что его значение, изначально установленное для механических пишущих машинок, было некорректно перенесено в цифровые текстовые редакторы, такие как Microsoft Word. Это приводит к ряду негативных последствий, затрагивающих как экономические и экологические аспекты, так и психофизиологическое восприятие текста, особенно в отношении диссертаций и ВКР.

Причины и последствия этой ошибки включают:

1. Несоответствие историческому стандарту. Историческое значение полуторного интервала (6,35 мм) существенно отличается от современного (7,4 мм), что нарушает преемственность и историческую точность.

2. Экономические и экологические потери. Увеличение расстояния между строками приводит к росту объема документов на 18–22 %, что значительно увеличивает расходы на печать и хранение бумаг. Для диссертаций и ВКР, которые печатаются в нескольких экземплярах и архивируются, это приводит к существенным издержкам. По оценкам, в России ежегодно защищается около 10–15 тыс. кандидатских и докторских диссертаций, а также сотни тысяч ВКР. Каждая такая работа составляет десятки и сотни страниц. Таким образом, общий объем печатаемых научных документов исчисляется миллионами страниц ежегодно. Если исходить из средней длины одной диссертации в 150 страниц и ВКР в 70 страниц, а также учитывать, что только в 2023 году было защищено порядка 12 тыс. диссертаций (данные ВАК), то совокупное потребление бумаги в российской науке достигает сотен тонн. Этот перерасход несет в себе не только финансовые издержки для вузов и исследователей, но и значительное экологическое бремя, связанное с вырубкой лесов, производством и утилизацией бумаги. Сравнительные исследования углеродного следа бумажных и электронных публикаций показывают, что при массовом использовании цифровые версии могут иметь меньший экологический отпечаток. Переход к безбумажному документообороту, как показывают исследования, может значительно снизить эти издержки [4].

3. Проблемы читаемости и эстетики. Большее расстояние между строками снижает плотность текста, ухудшая его восприятие и эстетику. Это особенно критично для объемных научных трудов, таких как диссертации, где длительное чтение требует максимального комфорта. Оптимальное расстояние между строками для нормального восприятия текста – около 6,2 мм, что подтверждается исследованиями, в рамках которых изучается влияние межстрочного интервала на движение глаз и общую эффективность чтения [5].

4. Дефекты психофизиологического восприятия. Оптимальное расстояние между строками для нормального восприятия текста, по данным экспериментальных исследований, составляет около 6,2 мм. Например, в таких научных трудах, как «Элементы типографского стиля» Роберта Брингхерста или современные исследования по эргономике чтения, часто указывается на важность адекватного межстрочного интервала для снижения утомляемости глаз и улучшения скорости чтения [6]. Исследования в области когнитивной психологии показывают, что избыточный или недостаточный интервал может нарушать естественный паттерн движения глаз, увеличивая когнитивную нагрузку и снижая эффективность обработки информации [7]. Этот параметр, соответствующий коэффициенту 1,25 в текстовых редакторах, позволяет создать комфортную плотность текста, которая способствует его

беспрепятственному восприятию. Важно также учитывать, что чрезмерное межстрочное расстояние может нарушать целостность текстового блока, усложняя отслеживание взглядом строки и переход к следующей, что особенно заметно при чтении больших объемов научного текста как на бумаге, так и на цифровых носителях. В условиях активного перехода на электронные публикации адаптация стандартов к особенностям цифрового восприятия текста становится не менее критичной, чем к особенностям бумажного носителя. Поддержание оптимального интервала способствует состоянию «потока» при чтении, улучшая погружение в материал и его усвоение [8].

Обсуждение. Парадокс «полуторного интервала» в российских стандартах форматирования научных работ является ярким примером инерции нормативного регулирования, которое не успевает за технологическим прогрессом. С одной стороны, стремление к унификации и преемственности стандартов в научной среде похвально, поскольку обеспечивает единообразие и облегчает обработку информации. С другой стороны, механическое перенесение норм, сформированных в условиях механической печати, в цифровую эпоху без должного переосмысления приводит к неэффективности и издержкам.

В отечественной науке всегда уделялось внимание вопросам рационализации и стандартизации. Исторически многие ГОСТы разрабатывались с учетом реалий производства и использования ресурсов. Однако в условиях цифровой трансформации эта логика требует пересмотра. Проблема не ограничивается лишь межстрочным интервалом; она затрагивает более широкие вопросы адаптации нормативной базы к цифровой трансформации научной коммуникации, особенно в части подготовки и архивирования диссертаций и ВКР. Отсутствие единого и актуального ГОСТа для диссертаций и ВКР приводит к разному в требованиях вузов, что затрудняет работу как авторов, так и редакций журналов, а также систем хранения научных трудов.

Правильное решение и предложения по модернизации стандартов. При расчете правильного межстрочного интервала (который до сих пор ошибочно именуют «полуторным») необходимо учитывать как исторические стандарты механической печати, так и особенности цифровых текстовых редакторов. Оптимальным решением для обеспечения исторической преемственности и повышения читаемости текста является использование коэффициента 1,25 вместо 1,5 для шрифта Times New Roman 14 пт. Экспериментальные исследования в области типографики и эргономики подтверждают, что применение коэффициента 1,25 приводит к межстрочному интервалу в 17,5 пт (примерно 6,16 мм), что максимально близко к историческому стандарту пишущих машинок (6,35 мм). Такой подход обеспечивает комфортное восприятие текста, одновременно позволяя сократить расход бумаги до 22 % при печати документов, что имеет существенное значение как для экономии ресурсов, так и для снижения экологической нагрузки в условиях массового документооборота.

Алгоритм расчета и применения:

1. Выберите размер шрифта (например, 14 пт).
2. Умножьте его на коэффициент 1,25: $\text{Размер шрифта} \times 1,25 = \text{Правильный межстрочный интервал}$.
3. Примените полученный коэффициент в текстовом редакторе (например, в Microsoft Word во вкладке «Абзац» → «Межстрочный интервал» → «Множитель» → 1,25).

Заключение. Таким образом, современный термин «полуторный интервал» стал жертвой некорректного переноса терминологии из прошлого в будущее, что породило проблему, требующую исправления. Детальное сопоставление редакций ГОСТ 7.32-81

и ГОСТ 7.32-2001 показывает принципиальные различия в подходе к определению межстрочных интервалов (от абсолютного значения в старых стандартах к относительному коэффициенту в новых). Это привело к парадоксальной ситуации, когда фактическое расстояние между строками вдвое превышает историческое значение.

Для решения указанной проблемы и модернизации внутренних стандартов организаций крайне важно уточнить терминологию, отказавшись от архаичного понятия «полуторный интервал» и заменив его точными числовыми значениями или коэффициентами, соответствующими современным типографским реалиям. В качестве практической рекомендации предлагается пересмотреть действующие внутренние регламенты образовательных и научных учреждений, касающиеся оформления диссертаций и ВКР, и заменить требование «полуторного интервала» использованием коэффициента 1,25 для шрифта Times New Roman 14 пт. Инициатива по пересмотру должна исходить от регулирующих органов в сфере образования и науки, таких как Министерство науки и высшего образования, совместно с ведущими академическими и научными учреждениями. Необходимо разработать четкий план по внедрению обновленных стандартов, включающий методические рекомендации для учебных заведений и информационные кампании для студентов и преподавателей. Такой подход позволит сохранить историческую преемственность, улучшить эстетику и повысить читаемость текста, а также значительно сократить расходы на печать и хранение документов, способствуя более рациональному использованию природных ресурсов. Внедрение этих изменений не только повысит качество и удобство восприятия научной информации, но и внесет вклад в устойчивое развитие в соответствии с принципами «зеленой» науки и ресурсосбережения. Это также будет способствовать повышению эффективности научной коммуникации в целом, что критически важно для развития науки и технологий в стране, особенно в контексте унификации требований к основным квалификационным научным работам.

Библиографический список

1. ГОСТ 7.32-2001. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления. М.: Издательство стандартов, 2001. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136702/ (дата обращения: 18.06.2025).
2. ГОСТ 7.32-81. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Общие требования и правила оформления. М.: Издательство стандартов, 1981. URL: <https://www.normacs.ru/Doclist/doc/1146U.html> (дата обращения: 18.06.2025).
3. Мильчин А.Э., Чельцова Л.К. Справочник издателя и автора: редакционно-издательское оформление издания. 4-е изд. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. 1006 с.
4. Янченко Е.В. Цифровой углеродный след как внешняя экстерналия цифровизации // Вопросы инновационной экономики. 2025. Т. 15. № 2. С. 449–468.
5. Slattery T.J., Rayner K. Effects of intraword and interword spacing on eye movements during reading: Exploring the optimal use of space in a line of text // Attention, Perception & Psychophysics. 2013. Vol. 75. P. 1275–1292.

6. Rello L., Pielot M., Marcos M.-C. Make It Big!: The Effect of Font Size and Line Spacing on Online Readability // Proceedings of the 2016 CHI Conference, San Jose, CA, USA, May 07–12, 2016. San Jose: ACM, 2016. P. 3637–3648.
7. Reingold E.M., Glaholt M.G. Cognitive control of fixation duration in visual search: The role of extrafoveal processing // Visual Cognition. 2014. Vol. 22. No. 3–4. P. 610–634.
8. Лебедева М.Ю., Веселовская Т.С., Купрещенко О.Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 74–98.

THE EVOLUTION AND PARADOXES OF LINE SPACING: FROM TYPEWRITERS TO THE DIGITAL AGE

S.N. Gamayunov

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article investigates the lack of a unified formatting standard for academic papers in Russia, highlighting that current university guidelines often rely on the outdated GOST 7.32-2001. It reveals the paradox of the «one and a half» line spacing requirement in modern word processors, tracing its origins to the technical limitations of 1980s typewriters (GOST 7.32-81). An analysis of the discrepancy between the historical and contemporary values of this parameter is presented. The negative economic and environmental consequences of excessive paper consumption (up to 22 %) and reduced text readability due to suboptimal line spacing are substantiated with research in ergonomics and cognitive psychology. A scientifically grounded solution is proposed: using a 1,25 line spacing factor for 14 pt Times New Roman font, which ensures historical continuity and an optimal reading distance (6.16 mm). Recommendations are provided for regulatory bodies to revise standards, aiming to enhance the efficiency of scientific communication and promote sustainable development.*

Keywords: *standardization, line spacing, GOST, text formatting, academic papers, resource efficiency, readability, ergonomics, document management, VAK.*

Об авторе:

ГАМАЮНОВ Сергей Николаевич – доктор технических наук, профессор кафедры технологических машин и оборудования, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: sng61@mail.ru

About the author:

GAMAYUNOV Sergey Nikolaevich – Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Technological Machines and Equipment, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: sng61@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

О.Ф. Гефеле

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Гефеле О.Ф., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-41-45

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об актуальности изучения профессиональной идентичности персонала, которая может выступать в качестве инструмента, воздействующего на формирование и развитие адаптационного потенциала работников. Проведен краткий теоретический анализ концептуального подхода современных исследований изучаемого явления. Внимание акцентировано на том, что профессиональная идентичность включена в структуру профессиональной я-концепции личности и способствует адаптации персонала к новым технологиям и требованиям профессии. При этом подчеркнуто, что профессиональная идентичность является залогом успешности, самореализации профессионала в условиях изменяющегося рынка труда.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, адаптация персонала, личностный ресурс, потенциал профессионала, рынок труда.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе управления персоналом профессиональная идентичность занимает определенную нишу в условиях быстро меняющегося рынка труда. Под профессиональной идентичностью можно понимать перцептивный образ себя как профессионала, как части профессионального сообщества. Профессиональная идентичность – это ключевой элемент, формирующий профессиональную мотивацию, удовлетворенность трудом, а также источник профессиональной адаптации персонала к изменяющимся организационным условиям. Социально-экономическая и геополитическая нестабильность, ослабление функций службы управления персоналом в организациях являются основными факторами, препятствующими формированию и развитию профессиональной идентичности как личностного ресурса, способствующего адаптации персонала к новым технологиям и требованиям. С другой стороны, профессиональную идентичность можно рассматривать как компонент профессиональной адаптации личности, поэтому соотношение профессиональной идентичности личности с профессиональной адаптацией остается открытым вопросом в связи с недостаточным количеством научных работ по теме. Проблема исследования профессиональной идентичности как личностного ресурса профессиональной адаптации персонала до сих пор актуальна в связи с тем, что роль данной идентичности неопределима и она является залогом успешности, самореализации в условиях быстро меняющегося рынка труда.

Теоретический обзор. В структуре профессиональной адаптации профессиональная идентичность функционально обеспечивает приспособление к условиям организации, а также является предиктором формирования адаптационного

потенциала личности персонала организации. Профессиональная идентичность как личностный ресурс адаптации является основным компонентом, играющим значительную роль в формировании профессиональной адаптации, что обуславливает важность данной работы.

Современные исследования профессиональной идентичности направлены на изучение как социального взаимодействия, развития и адаптации в меняющихся условиях, так и кризисов идентичности, в частности личностной и социальной. Кроме того, согласно проведенным исследованиям профессиональной идентичности, ее высокий уровень является предиктором эффективности адаптивных процессов независимо от различных факторов (возраста, пола и т.п.).

Теоретико-методологической основой в отечественной науке выступают исследования проблемы возникновения и развития профессиональной идентичности (Э. Эриксон, Дж. Мид, Г. Теджфел, Л.Б. Шнейдер, Д. Тернер, У. Джеймс, М. Фуко, Ю. Хабермас, М. Бахтин и др.), включая и профессиональную адаптацию (С.Д. Артемов, А.Г. Маклаков, Ю.Г. Одегов, В.А. Поляков, Л.Л. Панченко, А.В. Батаршев и др.) [1, 3, 6, 10, 11]. Теоретический анализ отечественных исследований показал, что в психологии нет единого подхода к определению профессиональной идентичности, поскольку авторы различных психологических школ вносят свой смысл в интерпретацию этого явления [1, с. 86]. В рамках отечественной психологии в настоящее время данный феномен изучают А.В. Гузь, Д.Н. Завалишина, Е.П. Ермолаева, Л.Б. Шнайдер, С.В. Емельянова, Ю.Ю. Стрельникова и др. Анализ работ зарубежных психологов, таких как П. Бергер, Т. Лукман, Д. Супер, Л. Тайлер, К. Хейзер, позволил установить, что идентичность отражается в профессиональном я-образе.

Профессиональная идентичность является самым востребованным типом социальной идентичности в современных условиях. Социально-экономические изменения приводят к появлению новых требований к профессии. В наиболее общем виде проблемы подготовки современных специалистов можно описать словами «идентичность» и «развитие», т.е. для выживания в новых динамичных социально-экономических условиях, для повышения конкурентоспособности персонала современный профессионал должен быть способен к непрерывному развитию, ведущему к профессиональному росту, новому качеству работы. Поэтому растущий интерес к проблеме профессиональной идентичности является ответом на меняющиеся социально-экономические условия и новые требования к подготовке специалистов [1, с. 87].

Существует также иная точка зрения, согласно которой термин «профессиональная идентичность» дублирует другие устоявшиеся концепции в отечественной психологии, такие, например, как профессиональное самоопределение, профессионализация, профессиональное саморазвитие, профессиональный статус и роль.

Профессиональная идентичность является одной из концепций, в которых выражается представление личности о ее месте в профессиональной группе или сообществе. Кроме того, эта концепция сопровождается определенными ценностными и мотивационными принципами, а также субъективным отношением (признанием или его отсутствием) к своей профессиональной принадлежности. Таким образом, профессиональная идентичность выступает как интегративная концепция, в которой выражается взаимосвязь личностных характеристик, обеспечивающих ориентацию в мире профессий, а также профессиональный выбор и прогнозирование его последствий [2, с. 29].

В исследованиях профессиональной идентичности, которые довольно интенсивно осуществлялись в последние годы отечественными психологами, проявилась некоторая невнимательность к проблеме социальной идентичности в целом. Данная проблема актуализируется в области психологии и находит отражение в представлениях о структуре социальной идентичности и соотношении разных типов идентичности. Поэтому этнические, профессиональные, культурные, религиозные и другие типы социальной идентичности были рассмотрены изолированно, без анализа их взаимосвязи в рамках целостного явления. Это повлияло на методологию изучения определенных типов социальной идентичности, в частности профессионального [3, с. 138].

Согласно Е.П. Ермолаевой, «...профессиональная идентичность действует как регулятор, выполняя стабилизирующие и преобразующие функции. Основной стабилизирующей функцией профессиональной идентичности является обеспечение необходимой степени профессионального центризма и стабильной профессионально-ментальной позиции» [8, с. 149–150].

При преобразовании профессиональной идентичности, одновременно с которой происходят изменения профессионально важных качеств, может измениться и профессиональная идентификация [8], которая способствует трансформации отношения к своей профессии и, как следствие, может снизить адаптационный потенциал личности (особенно при изменяющихся организационных условиях, в частности при переходе из одной профессиональной среды в другую), что является причиной изменения структуры профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность в условиях приобретения опыта в профессии строится в условиях типизации профессионального поведения [10, с. 157].

Согласно Д.И. Завалишиной, профессиональная идентичность представлена личностными качествами, которые позволяют субъекту труда реализовывать взаимодействие в профессиональной среде через признание себя в профессии. При этом такое взаимодействие может во внештатных ситуациях привести к напряжению человека в профессиональной деятельности, в частности в случаях отсутствия ее понимания [8, с. 151].

Автор нескольких статей о взаимосвязи социальной и личностной идентичности В.Н. Павленко считает, что профессиональная идентичность является частью личностной.

В ряде концепций понятие «профессиональная идентичность» представляет собой конкретизацию понятия «личностная идентичность» в отношении содержания и условий профессионального развития человека.

Необходимость введения концепции профессиональной идентичности Н.С. Пряжников объясняет тем, что профессиональное становление личности является ведущей формой обретения (развития) идентичности [11, с. 164].

Профессиональная идентичность, будучи подвидом идентичности социальной, представляет собой личностное качество, поэтому в ходе личностного и профессионального становления оказывает влияние на многие аспекты жизни человека.

Суть профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер видит в самостоятельном и ответственном построении своего профессионального будущего, что предполагает высокую готовность смысловых и регуляторных основ поведения в ситуациях профессиональной неопределенности, осуществление личностного самоопределения, интеграцию в профессиональное сообщество, а также формирование представления о себе как о специалисте [11, с. 92].

Формирование профессиональной идентичности является сложным процессом, который не во всех случаях приобретения опыта реализуется человеком. В современной научной среде принято рассматривать профессиональную идентичность в разрезе научного понимания профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации. Причем ученые подчеркивают важность профессиональной идентичности именно в формировании профессионального самосознания, а также отмечают ее влияние на когнитивные (профессиональные знания и профессиональные убеждения), эмоциональные (эмоциональное и оценочное отношение к профессиональным знаниям), поведенческие (стереотип взаимодействия в профессиональной среде) составляющие структуры личности.

Таким образом, в современной психологической науке проблема профессиональной идентичности актуализируется и исследуется. Данный феномен рассматривается через призму профессионального самосознания, когда профессионал имеет представление о себе как профессионале и сопоставляет образ профессии с теми профессиональными знаниями и опытом, которые у него имеются.

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что профессиональная идентичность является личностным ресурсом адаптации персонала к изменяющимся организационным условиям. Профессиональная идентичность – это осознание личностью себя как профессионала через я-образ в профессии на основе профессиональной востребованности, которая отражает ценность имеющихся навыков, являющихся важным вектором развития в профессиональной среде, для повышения мотивации к профессиональному и личностному совершенствованию, что в итоге оказывает положительное влияние на успешную профессиональную адаптацию и карьерный рост.

Заключение. В психологической науке в последнее время часто поднимают вопрос о проблеме изучения профессиональной идентичности как личностного ресурса профессиональной адаптации персонала. В ходе проведенного теоретического анализа было выявлено, что в научном сообществе наблюдается разная интерпретация феномена «профессиональная идентичность», но при этом необходимо подчеркнуть, что данная идентичность является личностным качеством, которое формируется в результате личностного и профессионального становления. Профессиональная идентичность имеет трехкомпонентную структуру и включена в структуру профессиональной я-концепции личности. Кроме того, профессиональная идентичность может выступать в качестве личностного ресурса как компонент профессиональной адаптации. С развитием профессиональной идентичности возрастает конкурентоспособность профессионала на современном рынке труда.

Библиографический список

1. Александрова Ю.Ю., Пряжников Н.С., Румянцева Л.С. Проблема соотношения «профессиональной идентичности» и «идентичности субъекта профессионального самоопределения» // Профессиональное образование. Столица. 2019. № 12. С. 14–18.
2. Антонова Н.В. Личностная идентичность современного педагога и особенности его общения // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 23–30.
3. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 131–143.
4. Будауд К. Социокультурные факторы формирования профессиональной идентичности (социализация и корпоративная культура как существенные

- факторы формирования профессиональной идентичности) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 6. С. 45–50.
5. Иванова Е.М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. М.: МГУ, 2008. 208 с.
 6. Иванова Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. № 4. С. 14–38.
 7. Иванова Т.Ю. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. 2018. № 1. С. 85–121.
 8. Малютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. № 5. 2021. С. 149–152.
 9. Матулене Г. О социальной адаптации к деятельности // Психологический журнал. 2023. Т. 23. № 5. С. 108–112.
 10. Новгородская В.А. Личностный ресурс студентов вуза как детерминанта эффективного профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Сочи, 2012. 232 с.
 11. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2023. 272 с.

PROFESSIONAL IDENTITY AS A PERSONAL RESOURCE FOR PROFESSIONAL ADAPTATION OF ORGANIZATION STAFF

O.F. Gefele

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *This article examines the relevance of studying personnel's professional identity, which can serve as a tool for influencing the development and growth of employees' adaptive potential. A brief theoretical analysis of the conceptual approach of contemporary research on this phenomenon is provided. Attention is focused on how professional identity is integrated into the structure of an individual's professional self-concept and facilitates personnel's adaptation to new technologies and professional demands. It is also emphasized that professional identity is the key to success and professional fulfillment in a changing labor market.*

Keywords: *professional identity, staff adaptation, personal resource, professional potential, labor market.*

Об авторе:

ГЕФЕЛЕ Ольга Фридриховна – кандидат философских наук, доцент педагогики и психологии, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: helga2003@mail.ru

About the author:

GEFELE Olga Fridrikhovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Pedagogy and Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: helga2003@mail.ru

**РУМОРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВОСХОДЯЩЕГО И КУЛЬМИНАЦИОННОГО ЭТАПОВ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905–1907 ГОДОВ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ**

С.В. Лавриков

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Лавриков С.В., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-46-52

***Аннотация.** В статье на основе неопубликованных и опубликованных источников рассмотрена роль слухов в Тверской губернии на начальных этапах революционного кризиса 1905–1907 годов. Проанализированы процессы появления слухов, их содержание, степень влияния, реакция на них местных властей и широких слоев населения. Подробно исследован фактор устной неформальной коммуникации в ходе октябрьских погромов и столкновений. Сделан вывод о том, что слуховые коммуникативные практики являлись одним из значимых факторов социально-политической динамики в революционную эпоху.*

***Ключевые слова:** слухи, руморология, революционный кризис 1905–1907 годов, массовое сознание революционной эпохи, октябрьские столкновения 1905 года, история Тверского края.*

Масштабные социальные потрясения, переломные эпохи могут быть поняты лишь с позиций многофакторного подхода, учитывающего как макроисторические процессы объективного характера, так и микроисторические явления субъективного порядка. К числу последних можно отнести такой феномен общественно-политической жизни, как слухи, представляющие собой систему коммуникаций, которая существует параллельно с официальными источниками. Слух обычно определяется как массово распространяющаяся, обычно недостоверная информация, передающаяся исключительно в устной форме. Как отмечалось на конференции «Слухи в России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и “крутые повороты” российской истории» (Москва, 2009 год), они «служат одним из многочисленных инструментов для интерпретации группового поведения, процессов формирования идентичности, индикатором политической культуры и системы взаимоотношений “власть – общество”» [17]. Исследование руморологического материала (от англ. rumour – слух, молва) открывает новые познавательные возможности для объяснения особенностей массового сознания, ментальности, системы представлений и ценностей «низов» общества. В связи с этим в настоящей публикации предпринята попытка рассмотреть роль слухов в социально-политических процессах, разворачивавшихся в Тверской губернии на начальных этапах революционного кризиса 1905–1907 годов.

В период с января по сентябрь 1905 года выявлено восемь случаев распространения слухов в губернии. Причем среди них практически не зафиксировано слухов, относящихся к внутри- и внешнеполитическим событиям общероссийского масштаба. В сфере неформальной коммуникации фактически не нашли отражения факты, касавшиеся «кровавого воскресенья», забастовок, громких терактов, восстания

на броненосце «Потемкин», а также сражений русско-японской войны, подписания Портсмутского мира и др. С точки зрения общего содержания большая часть местных слухов относилась к православно-религиозной тематике и была связана с угрозой уничтожения храмов, что, вероятно, отражало наиболее распространенные общественные страхи, навеянные беспокойной революционной обстановкой. Первые слухи такого рода появились в середине марта в революционно настроенном Новоторжском уезде «среди фабрично-заводского населения». Согласно «слуховой» информации «у Николо-Пустыновской церкви была наклеена прокламация», в которой говорилось, что в «один из ближайших праздников произойдут взрывы в четырех церквях: Николо-Пустыновской, Бараньегорской, Пречисто-Каменской и фабричной». В полицейском сообщении отмечалось, что данный слух стал распространяться «со времени» появления в д. Тарасково Тысяцкой волости бывшего учителя Хрусталева (осуществлявшего революционную агитацию среди крестьян – С.Л.), а «дознание» установило, что «бумаг и писем» не было [9, с. 42].

Похожие по содержанию слухи циркулировали в уезде до конца месяца. 28 марта жандармский унтер-офицер сообщил в Тверское губернское жандармское управление, что среди населения Новоторжского уезда «упорно распространяется слух» о появлении во многих местах писем, предупреждающих о взрывах церквей в праздник Пасхи. «Несмотря на нелепость этих слухов, – подчеркивалось в донесении, – многие им верят» [12, с. 18].

Буквально в это же время, 28 и 29 марта, сходные «слухи-пугало» охватили г. Корчеву. На уровне молвы утверждалось, что «на квартиру страхового агента подброшено письмо», сообщающее, что 17 апреля 1905 года в Корчевском Воскресенском соборе будет взрыв, от «которого он взлетит на воздух». Автор реляции епархиальному начальству священник Д. Кузнецов, характеризуя степень влияния этого слуха, заметил, что «наиболее благоразумные этому не верят» [3, с. 125]. Летом центром распространения пугающих слухов стал г. Торжок. 11 июня во время праздника в Борисоглебском монастыре, на котором присутствовало около 15 тыс. богомольцев, за стенами обители разошелся слух, посеявший панику среди собравшихся, о том, что «в монастыре будут брошены бомбы» [1, с. 33].

Хотя рассмотренные слухи и не содержали указаний на конкретных злоумышленников, можно предположить, что в фабрикациях и распространении подобных кривотолков могли быть заинтересованы как революционные, так и правоконсервативные политические силы. Первые использовали устную коммуникацию для антирелигиозной пропаганды, вторые – для активизации контрреволюционных настроений, формирования благоприятной психологической почвы для погромной агитации.

Явно политические интересы просматриваются в г. Ржеве, где 18 февраля распространилась неформальная информация о том, что 20 февраля «взорвут каток и все находящиеся там погибнут». В этот день на катке должны были собраться известные своими революционными настроениями гимназисты, и очевидно, что политические противники с помощью устрашающего слуха попытались предотвратить это мероприятие или существенно сократить число его участников [12, с. 11].

Появлению слухов могла способствовать печатная агитация левых партий. По донесению тверского полицмейстера, разбросанные 20 и 21 августа на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры листовки местных социал-демократических и эсеровских групп с призывами к стачкам породили слухи о том, что «агитаторы» после

получения заработка будут требовать прекращения работы, а женщины, не бросившие работу, будут избиты [18].

Возможно, определенную политическую подоплеку имели слухи, появившиеся во второй половине марта в Вышневолоцком уезде, о готовящихся погромах. По слухам, 17 марта в с. Троица Удомельско-Рядской волости крестьяне должны были устроить разгром торговцев. Похожие беспорядки произойдут и 23 марта в с. Котлованы Кузьминской волости на ярмарке. Слух породили, как выяснили жандармы, подброшенные на станцию Удомля письма [11, с. 70].

Информацию о слухах власти получали и от добровольных осведомителей. Один из них, крестьянин Прямухинской волости д. Коростково П.Ф. Селезнев, систематически оповещавший начальство о фактах революционной деятельности, донес в конце марта полицейскому уряднику на жителя с. Прямухино Карганова, распространявшего слух о своем намерении поехать в «Санкт-Петербург в Императорский дворец» [9, с. 59].

Более значимую роль слухи, фактически заменившие и бездействующий телеграф, и выходившие с перебоями газеты, стали играть на кульминационном этапе революционного процесса в условиях высокой политизации общества. Наиболее ярко на местном уровне это проявилось в погромных событиях октября 1905 года.

Слухи могли служить поводом для возникновения беспорядков. В Твери накануне разгрома губернской земской управы в трактирах и лавках циркулировал слух о том, что «на Почтовой площади (где располагалась управа – С.Л.) полиция просит у мужичков подмоги, так как в управе что-то случилось». На самой площади один из участников будущего погрома уверял прохожих в том, что в управе разорван портрет государя [6, с. 49].

В ходе погрома слуховые практики выступали средством оправдания действий погромщиков. 17 октября в разгар погрома в Твери прошел слух о том, что приезжавший на площадь и спустя некоторое время покинувший ее губернатор П.А. Слепцов сказал: «Расправляйтесь сами с забастовщиками» [6, с. 54 об.]. Передаваемая на уровне слухов искаженная информация активизировала действия громил. После отъезда губернатора «распространился слух, что из управы собравшиеся там забастовщики стреляли в народ и есть убитые (из здания управы действительно было произведено несколько выстрелов, но огонь не велся на поражение – С.Л.). Возбужденная таким известием толпа бросилась к управе, разбила камнями несколько окон и, разделившись на три части, начала осаждать вход в управу и два входа во двор» [10, с. 8].

Пытались погромщики использовать нелегитимную информацию и для привлечения на свою сторону военнослужащих. Прибывшим к месту погрома драгунам они говорили: «Пойдемте вместе избивать крамольников – они разорвали портрет царя» [6, с. 167]. Как показывал позднее командовавший в тот день драгунами ротмистр Н.Я. Дирин, из толпы слышались возгласы: «Царское войско и спасает подлецов, идущих против царя, рвущих его портреты, требующих “свободы”, мы им дадим свободу» [4, с. 50].

Следует заметить, что некоторые полицейские чины вполне доверительно относились к слухам об уничтожении в земстве царского портрета, а это, в свою очередь, способствовало их пассивному поведению в ходе погрома. Из свидетельских показаний на суде стало известно, что в полицейском управлении один из стражей порядка говорил: «Это верно, что маленький портрет государя императора в земской управе разорван» [8, с. 167 об.]. Избитому в день погрома земскому служащему В.А. Успенскому конвоировавший его в участок городской говорил: «Вот управцы,

дождались, что вас побили и за дело. Не рвите портрет государя императора, не кричите долой государя» [4, с. 45].

В толпе зевак, наблюдавших за происходящим со стороны, также циркулировали фантастические слухи, обеспечивавшие их симпатии громилам. Делопроизводитель Крестьянского банка Н.Н. Петров, характеризуя настроения «зрителей» погрома, отмечал: «Прочая же публика, мелкие ремесленники, торговцы и т.п. выражали сочувствие тому, что происходит, и говорили, что в управе хотят долой царя, а на место его какого-то Конституция, который опять введет крепостное право» [7, с. 14 об.].

Слухи также определяли действия черносотенцев в с. Кимры. 23 октября, уже в ходе начавшегося погрома, пущенный кем-то слух о нахождении «крамольников и мятежников» в Черниговской гостинице привел к нападению разъяренной толпы на это здание. Полному разгрому гостиницы помешали лишь действия боевой рабочей дружины, обстрелявшей громил из пистолетов [21, с. 6]. В г. Ржеве, охваченном 25 октября погромными беспорядками, среди черносотенцев распространились слухи о том, что в земской управе разорван портрет царя. Удостоверившись в ложности этого слуха, черносотенцы тем не менее не успокоились, а попытались напасть на магазин Селиванова, но, встретив отпор полиции, обрушили свой гнев на еврейские магазины [19, с. 62]. Позднее в городе ходили слухи о том, что погром был подготовлен городским головой А. Чураковым, который вызвал для участия в нем сорок погромщиков, освободившихся после погрома в Великих Луках [20].

Массовая устная коммуникация угрожающего характера не только сопровождала погромные беспорядки, но и во многом определяла течение общественно-политических событий в первые дни после октябрьских столкновений и погромных эксцессов. В Твери, «по слухам, в воскресенье на Почтовой площади, – вспоминал местный социал-демократ А.И. Буланов, – должен был служить молебен какой-то “чудотворной” иконе, (кто-то – С.Л.) из попов скажет проповедь, направленную против евреев, а переодетые полицейские и шпионы поведут толпу, собравшуюся на богомолье, громить евреев. Назначен был день и час погрома» [13, с. 9]. На заседании губернского земского собрания отмечалось, что «на другой день (18 октября – С.Л.) поползли небезосновательные упорные слухи о возможном разгроме (земской – С.Л.) больницы». Большинство больных, включая недавно прооперированных, постаралось покинуть лечебницу. Родильное отделение покинули все «родильницы» [14, с. 17]. В Вышнем Волочке на следующий день после столкновения революционной и монархической демонстраций распространялись слухи о подготовке черносотенцами избиения зачинщиков демонстрации. Монархистам удалось на некоторое время запугать активистов оппозиции. По воспоминаниям П. Михайленко, «... по городу ходить было небезопасно, а поэтому, пока улягутся страсти, все активные участники демонстрации по вечерам из домов не выходили, боясь подвергнуться избиению» [16, с. 36]. Параллельно имели хождение и контрслухи о том, что «агитаторы» планируют организовать беспорядки и грабежи [12, с. 78 об.]. Очевидно, что первый слух отражал тревоги революционно-демократической части населения, второй – монархически настроенных граждан.

Расширение руморологических структур наблюдалось даже в населенных пунктах, избежавших каких-либо массовых беспорядков в «дни свободы». В г. Торжке, где в октябрьские дни монархисты перехватили инициативу и демократические силы отказались от каких-либо активных выступлений, тем не менее появились слухи о готовящемся разгроме земской управы и больницы. О том, что эти слухи воспринимались как показатель реальной угрозы, свидетельствовало повальное бегство

из города евреев, а для недопущения беспорядков планировалось привлечь войска. В г. Старице, по данным уездного исправника, ходили слухи о том, что 25 и 26 октября, во время призыва новобранцев, будут беспорядки с грабежом намеченных евреев и купцов. Старицкий городской голова и гласные городской Думы попросили губернатора «ввиду слухов о погроме» 1 ноября, после ухода 288 батальона, прислать эскадрон драгун [5, с. 12]. «Погромная» угроза в Старице, скорее всего, не имела отношения к политике, а отражала опасения по поводу пьяных дебошей, устраиваемых новобранцами. Однако, вероятно, подобные слухи во многом были навеяны общей тревожной атмосферой октябрьских дней.

Тревожные слухи заставили органы местного самоуправления принимать соответствующие меры. В городскую думу обратились 57 жителей Твери. Они потребовали организовать защиту горожан собственными силами. «При этом, – подчеркивалось в петиции, – необходимо приступить к этой организации немедленно, не теряя минуты, т.к. весь город охвачен паникой, заставляющей многих бежать и скрываться, а черная сотня совершенно открыто укрепляется и намечает жертвы и дома». Принятое на чрезвычайном заседании думы постановление, помимо прочего, включало следующую информацию: «Пункт 4. С целью опровержения распространившихся по городу слухов расклеить объявления, в которых сообщить: 1) По удостоверению Начальника губернии, прокурорского надзора, следователя по важнейшим делам Святая икона и портрет Государя императора в помещении управы оказались совершенно невредимы и на своих местах. 2) До сих пор никто не заявил о получении огнестрельных ран 17.10. <...> 5) Лица, распространяющие слухи, будут преследоваться законным порядком» [4, с. 3–3 об.].

Массово распространявшаяся информация о возможных погромах стимулировала создание сил самообороны. В губернском центре задачу формирования подобных структур взяли на себя левые силы. Как вспоминал социал-демократ Н. Лебедев, «после погрома стали «зловеще циркулировать слухи о готовящемся еврейском погроме. Нашей организацией были приняты срочные меры к тому, чтобы предупредить этот погром, а в случае его возникновения дать надлежащий отпор громилам. С этой целью была организована боевая дружина, назначено постоянное дежурство в городе, а в дни, когда больше всего можно было ожидать погрома, вся боевая дружина, разбитая на небольшие группы, занимала заранее определенные посты в различных наиболее опасных пунктах. Благодаря такой организации дела, черносотенцы... претрусили и больше никаких активных выступлений не делали» [15, с. 189]. В г. Бежецке группа работников клуба решила создать в городе вооруженную милицию «ввиду погромов в других городах и слухов в городе о готовящемся погроме». Заявление бежечан поступило в городскую управу, однако эта инициатива не нашла поддержки, но, по решению уездного исправника, в городе были расклеены объявления, в которых утверждалось, что «беспорядки будут подавляться всеми средствами» [2, л. 44–44 об., 45, 47].

«Погромная» молва оказалась наиболее устойчивой в г. Старице, где, как уже отмечалось, она была вызвана опасениями беспорядков, устраиваемых призывниками и их родственниками. 30 ноября старицкий уездный исправник сообщил губернатору о распространении в городе слухов, в соответствии с которыми новобранцы 5 и 7 декабря намереваются «произвести погром». Эти слухи беспокоили горожан вплоть до конца первой декады декабря, пока они не были опровергнуты ходом событий. 9 декабря исправник доложил губернатору о том, что «разбивка» (т.е. распределение призывников по конкретным воинским частям – С.Л.) прошла нормально [5, с. 66].

Завершая рассмотрение неформальных слуховых коммуникативных практик, можно констатировать, что они являлись одним из значимых факторов социально-политической динамики в революционную эпоху. На первом этапе революционного процесса (относительно спокойном) преобладали слухи, связанные с боязнью взрывов церковью во время религиозных праздников. Часто слухи содержали отсылку к неким печатным источникам (воззваниям, письмам, прокламациям), что повышало степень доверия к ним. На кульминационном этапе революционного кризиса роль устно распространяющейся информации значительно возросла. Слухи выступали поводом для возникновения и продолжения погромных беспорядков, они служили средством коммуникации внутри погромных толп, обоснованием действий погромщиков. В первые дни после погромов и столкновений тревожная молва отражала страхи, связанные с угрозой повторения этих эксцессов. В некоторых городах «слухи-тревоги» стимулировали создание сил самообороны. Местная администрация старалась держать в поле зрения сферу массовой устной коммуникации. Сам факт попадания сведений о слухах в полицейские и жандармские сводки свидетельствовал о том, что власти серьезно относились к такой информации, рассматривали ее как потенциальную угрозу общественному спокойствию, принимали меры для недопущения дестабилизации общественно-политической обстановки.

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 12608.
2. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 19713.
3. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 20310.
4. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 20320.
5. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 26899.
6. ГАТО. Ф. 639 (Судебный следователь тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 14.
7. ГАТО. Ф. 639 (Судебный следователь тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 15.
8. ГАТО. Ф. 639 (Судебный следователь тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 19.
9. ГАТО. Ф. 813 (Новоторжское уездное полицейское управление). Оп. 3. Д. 812.
10. ГАТО. Ф. 927 (Тверское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 777.
11. ГАТО. Ф. 927 (Тверское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 783.
12. ГАТО. Ф. 927 (Тверское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 801.
13. Буланов А.И. Воспоминания о революционном движении в Твери и Тверском уезде с 90-х гг. XIX в. до 1906 г. // Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 114. Оп. 2. Д. 17.
14. Журналы Тверского очередного губернского земского собрания сессии 1905 года и чрезвычайного 10–11 апреля 1906 года и приложения к ним. Тверь: типография губернского земства, 1906. 443 с.
15. Лебедев Н. Октябрь 1905 года в Твери // Спутник коммуниста. 1923. № 1. С. 188–193.
16. Михайленко П. Октябрьские дни в Вышнем Волочке // Спутник коммуниста. 1925. № 21–22. С. 35–36.
17. Никонова О.Ю. Конференция «Слухи в России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и “крутые повороты” российской истории» (Москва, ИНИОН РАН, 1–2 октября 2009 г.). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo>

/2010/2/konferenciya-sluhi-v-rossii-xix-xx-vekov-neformalnaya-kommunikaciya-i-krutye-povoroty-rossijskoj-istorii.html (дата обращения: 18.02.2023).

18. Революция 1905–1907 гг. в провинции (по материалам Тверской губернии). URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/revolyutsiya-1905-1907-gg-v-provintsii-po-materialam-tverskoj-gubernii.html> (дата обращения: 18.02.2023).
19. Ржев в 1905 году: сборник, посвященный 20-летию юбилею событий 1905 г. в г. Ржеве и уезде. Ржев: Ржевский уком РКП (б), 1925. 118 с.
20. Ржевская мысль. 1906. 19 ноября. № 6.
21. Столяров А.С. Летопись событий с. Кимры Тверской губернии. М.: А.С. Столяров, 1906. 21 с.

RUMOROLOGICAL ASPECTS OF THE RISING AND CULMINATING STAGES OF THE REVOLUTIONARY CRISIS 1905–1907 IN TVER PROVINCE

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article, based on unpublished and published sources, examines the role of rumors in the Tver province at the initial stages of the revolutionary crisis of 1905–1907. The process of appearance of rumors, their content, degree of influence, reaction of local authorities and the general population to them is analyzed. The factor of oral informal communication during the October pogroms and clashes is investigated in detail. It is concluded that auditory communication practices were one of the significant factors of socio-political dynamics in the revolutionary era.*

Keywords: *rumors, rumorology, the revolutionary crisis of 1905–1907, the mass consciousness of the revolutionary era, the October clashes of 1905, the history of the Tver territory.*

Об авторе:

ЛАВРИКОВ Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lavrikov@list.ru

About the author:

LAVRIKOV Sergey Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lavrikov@list.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.2

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (НАУЧНЫЙ ОБЗОР)

Д.В. Дедов

Тверской государственный медицинский университет, г. Тверь

© Дедов Д.В., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-53-57

***Аннотация.** В научном обзоре рассмотрены современные данные литературы, посвященные анализу новых базовых рисков и вызовов экономической безопасности России как суверенного государства. Подчеркнуто, что в условиях исчерпания модели глобализации и лидерства «золотого миллиарда» идет активный процесс геоэкономической фрагментации мировой экономики и изменения системы экономических и социально-политических приоритетов государств. Наряду с этим отражены результаты исследований актуальных вопросов обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации в современных условиях санкций и внешнего давления.*

***Ключевые слова:** технологический, суверенитет, обеспечение, экономическая, безопасность.*

Введение. Курс на технологический суверенитет (ТС) России зафиксирован в ряде документов. В их число входят «Концепция технологического развития на период до 2030 года», государственная программа Российской Федерации (РФ) «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации». Выработка мер по повышению ТС предполагает выделение тех звеньев производственно-сбытовых цепочек, без локализации которых велик риск оказаться объектом внешнего манипулирования. Особое внимание уделено выбору критических технологий, поскольку он подвержен влиянию узких экономических интересов и связан с продвижением заинтересованными лицами менее значимых технологических областей. При этом подчеркнута необходимость объединения усилий дружественных стран с целью совместного достижения стратегической автономии [3]. Вместе с тем отмечено, что в последнее десятилетие существенно возросло значение социально-политического фактора как обязательной составляющей экономической безопасности (ЭБ) России [6]. В связи с изложенным представляется весьма актуальным обсуждение вопросов значения ТС для ЭБ РФ.

Материал и методы. Выполнен научный обзор данных литературы, в которых представлены актуальные аспекты значения ТС нашей страны для обеспечения ее ЭБ в современных условиях.

Результаты и обсуждение. В настоящее время формируются новые приоритеты ЭБ России как суверенного государства. К ним относятся построение многополярного мира; развитие процессов новой регионализации (геоэкономической фрагментации) мировой экономики на основе объединения экономических и социально-политических интересов сотрудничающих государств; защита отечественных природных и экономических ресурсов (энергоресурсов, ресурсов Арктики, запасов пресной воды, лесных ресурсов, территорий интенсивного сельскохозяйственного производства, квалифицированных трудовых ресурсов и др.); защита российского рынка и российского общества от активного применения агрессивных методик информационного влияния; защита от навязывания искусственной среды потребления товаров и услуг («зеленая экономика», поощрение трансгендерной медицины, фармацевтики, образования, медиауслуг и пр.); возрастание роли государства как хозяйствующего субъекта и инициатора формирования новых регулирующих институтов экономического развития на национальном и межгосударственном уровнях, а также институтов обеспечения ТС и промышленной безопасности суверенных государств [6]. В литературе отражен анализ деятельности институтов развития (ИР) в РФ. Указано, что с момента реорганизации системы ИР произошла фундаментальная проверка всех подсистем отечественной экономики по геополитическим причинам. В ходе этого выяснилось, что предстоит еще огромный объем работы, в том числе по повышению гибкости инновационной сферы, расширению предметно-технологического множества в целях импортозамещения. Это, в свою очередь, требует дополнительных усилий [1]. Отмечено, что ТС как приоритет развития экономики существовал всегда [2]. Показано, что период глобальных изменений системного и структурного характера, формирующих новые параметры, факторы, условия, создающих турбулентность и усиливающих неопределенность, в частности для РФ, следовало воспринимать не как новую нормальность, а как постнормальность. Обозначено, что при этом возникает окно стратегических возможностей для укрепления промышленности, национальной и экономической независимости, формирования ТС нашей страны [8].

Вследствие введения беспрецедентного технологического эмбарго с марта 2022 года в российском общественно-политическом дискурсе экспоненциально выросло обсуждение проблематики ТС. Именно обеспечение ТС обозначается как ключевая цель научно-технологического развития (НТР), что в явном виде прослеживается и в эволюции нормативных документов РФ. Так, вслед за принятой 23 мая 2023 года Концепцией технологического развития 28 февраля 2024 года произошло обновление Стратегии научно-технологического развития (Указ Президента Российской Федерации № 145). В Концепции технологического развития дано нормативное определение понятия ТС: «устойчивость воспроизводства под национальным контролем определенного набора критических и сквозных технологий и условий производства продукции на их основе, которые обеспечивают устойчивую возможность государства и общества реализовывать национальные интересы». В период введения секторальных санкций против России в 2014 году и в последующие годы ключевой стала проблематика импортозамещения. Под лозунгом импортозамещения выстраивались отраслевые программы, именно данный термин превалировал в официальном общественно-политическом и академическом дискурсе. Одной из гипотез смены риторики можно считать идеологическую наполняемость обоих терминов: импортозамещение – скорее про догоняющее развитие, при этом с акцентом на «преимущество отсталости», а ТС – скорее про импортонезависимость, самообеспеченность и, как следствие, затрагивает не только технологическую, но и

экономическую сторону в условиях стремления к опережающему развитию [5]. В результате тридцатилетнего развития глобализации, основанной на политике открытых рынков, и расширения многосторонней кооперации взаимозависимость национальных экономик настолько сильно возросла, что преимущества их участия в глобальных цепочках и углубленном разделении труда стали подрываться в ходе возникающих в последние годы конфликтов. Во-первых, усложнение нелинейной сетевой среды повысило хрупкость мировой экономики, когда любой локальный сбой в цепочках поставок может вызвать волну экономических шоков, получающих мгновенное глобальное распространение. После кризиса пандемии 2020 года подобные волновые шоки породили политические трения между странами, призывы к деглобализации и усилению протекционизма. Отмечено, что технологическая гонка, снижение в последние годы уровня доверия между Западом и Востоком привели к тому, что страны стали воспринимать свою многостороннюю кооперацию уже не как преимущество, а как источник зависимости и подрыва национальной безопасности. Это породило секьюритизацию международных экономических отношений и тренд фрагментации мировой экономики на геополитические блоки [9].

По данным ученых из Института проблем развития науки Российской академии наук Заварухина В.П. и Киселева В.Н. (2025 год), в РФ «проблема обеспечения технологической независимости страны практически никогда не сходила с повестки дня, но в последние годы, с введением санкций со стороны ведущих развитых стран, когда Россия лишилась возможности импортировать современное высокотехнологичное оборудование, передовые материалы, ИТ-продукты и т.д., она трансформировалась в задачу обеспечения технологического суверенитета» [4, с. 23]. При этом достижение ТС РФ сопряжено с барьерами и ограничениями, в числе которых находится широта технологического ландшафта. Авторы признали, что для обеспечения ТС целесообразно сформировать систему мониторинга и оценки результативности исследований и технологических разработок с акцентом на приоритетные направления НТР, а также реализации важнейших наукоемких технологий [4]. Вместе с тем постановка вопроса о ТС требует новых подходов к формированию политики в области науки и техники.

В первую очередь основной фокус смещается на обеспечение качественного и четкого целеполагания (ЦП) и стратегирования. Это обусловлено рядом причин: во-первых, требуется четко представлять, какими критически важными технологиями должен быть обеспечен ТС. Отмечено, что «необходимо определить наиболее проблемные зоны отечественной экономики для формирования актуальных задач, создающих ограничения для российской экономики в текущем периоде и на перспективу» [7]. Во-вторых, качественное ЦП позволило бы одновременно решать задачи с разными временными горизонтами реализации, учитывая, что перед страной стоят проблемы как скорейшего преодоления возникших разрывов в производственно-технологических цепочках на основе собственных разработок критических технологий, так и создания научных заделов на будущее в целях укрепления своих конкурентных позиций на новых формирующихся рынках. В-третьих, четкость определения целей НТР в текущих условиях важна как с точки зрения преодоления неопределенности, так и с точки зрения концентрации ресурсов на решении актуальных технологических задач и формировании необходимых компетенций [7]. Исследователи Яковлева Н.Г. и Шафранская А.М. (2024 год) в своей работе указывают, что, несмотря на накопившиеся противоречия в социально-экономическом развитии России, в ближайшие 10 лет у страны будут появляться новые возможности для ускорения НТР. Это может быть связано с несколькими факторами. В их число входят сокращение импорта и уход

иностранных компаний, локализация высокотехнологичных производств; использование и внедрение уже имеющихся научно-технических достижений, создание полномасштабных серийных производств необходимых технологий в различных отраслях экономики; привлечение к решению задачи ускорения НТР инженерных и физико-математических школ, существующих в нашей стране. В этих условиях одной из важных задач становится разработка сбалансированной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, отвечающей тактическим и стратегическим задачам российской экономики, в частности задачам обеспечения ТС [10].

Заключение. Таким образом, в настоящее время наблюдается переосмысление границ экономической политики и подходов к решению аспектов комплексной национальной и экономической безопасности в условиях открытой мировой инновационной и технологической системы. Технологический суверенитет в анализируемой литературе представлен как определенный подход к решению вопросов ЭБ и развития нашей страны. В современных условиях крайне сложно (если вообще возможно) определить критерии достижения ТС для конкретных отраслей. Технологический суверенитет не может быть многоаспектным. Отдельным вопросом является соотношение между национальным суверенитетом (в традиционном понимании термина, т.е. политико-правовом) и современными концепциями ТС. Открытая модель ТС предполагает уступку части национального суверенитета в пользу роста взаимодействия с третьими сторонами. При этом чем слабее в научно-технологическом отношении страна, тем больший объем уступок необходим [2].

Библиографический список

1. Анохов И.В. Институты догоняющего и опережающего развития: организационное сопротивление, фазы научно-технического развития и проектирование будущих потребностей // Экономика науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 53–66.
2. Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 238–243.
3. Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и экономические интересы // Журнал институциональных исследований. 2024. Т. 16. № 3. С. 6–18.
4. Заварухин В.П., Киселев В.Н. О технологическом суверенитете России в контексте результативности научных исследований и технологических разработок // Экономика науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 18–28.
5. Капогузов Е.А., Шерешева М.Ю. От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного анализа // Terra Economicus. 2024. Т. 22. № 3. С. 128–142.
6. Караваева И.В., Лев М.Ю. Экономическая безопасность России: актуальные риски и долгосрочные приоритеты (по материалам конференции «VIII Сенчаговские чтения») // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. С. 233–249.
7. Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 232–237.
8. Сасаев Н.И. Постнормальность как окно стратегических возможностей промышленного развития России // Экономика промышленности. 2025. Т. 18. № 2. С. 171–181.

9. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 3. С. 108–135.
10. Яковлева Н.Г., Шафранская А.М. Подготовка квалифицированных кадров для обеспечения технологического суверенитета российской экономики: первоочередные меры // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 515–529.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: ENSURING RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY (SCIENTIFIC REVIEW)

D.V. Dedov

Tver State Medical University, Tver

Abstract. *The scientific review examines current literature data on the analysis of new basic risks and challenges to Russia's economic security as a sovereign state. It emphasizes that, as the globalization model and the leadership of the "golden billion" are running out, there is an active process of geoeconomic fragmentation of the global economy and a shift in the system of economic and socio-political priorities for states. Additionally, the article reflects the results of research on the current issues of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation in the current context of sanctions and external pressure.*

Keywords: *technological, sovereignty, ensuring, economic, security.*

Об авторе:

ДЕДОВ Дмитрий Васильевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности, Тверской государственный медицинский университет, г. Тверь, Россия; e-mail: dedov_d@inbox.ru

About the author:

DEDOV Dmitry Vasilyevich – Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Life Safety, Tver State Medical University, Tver, Russia; e-mail: dedov_d@inbox.ru

**АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПОСТАНОВКИ
НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАДАСТРОВЫЙ УЧЕТ
ЖИЛЫХ ДОМОВ НА УЧАСТКАХ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

О.Е. Лазарев, Д.А. Павлов, О.С. Лазарева

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Лазарев О.Е., Павлов Д.А.,

Лазарева О.С., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-58-62

***Аннотация.** В статье рассмотрены различные способы внесения в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) сведений об индивидуальных жилых домах, а именно: упрощенный и уведомительный порядок, внесение сведений в ходе проведения комплексных кадастровых работ. Описана актуальность своевременного и масштабного пополнения ЕГРН сведениями об индивидуальных жилых домах. Проанализированы организационно-правовые основы внесения сведений в ЕГРН каждым из описанных способов. В заключение сделаны выводы, приведены преимущества и недостатки каждого способа.*

***Ключевые слова:** кадастровый учет, индивидуальный жилой дом, уведомительный порядок, упрощенный порядок, комплексные кадастровые работы.*

Государственный кадастровый учет представляет собой внесение сведений в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) об объектах недвижимого имущества и правах на них [8]. Внесение сведений об индивидуальных жилых домах необходимо как для государства в целом, так и для собственника в частности [8].

При массовом внесении в ЕГРН сведений об индивидуальных жилых домах может быть достигнуто соответствие данных ЕГРН и фактического состояния этих объектов недвижимости на местности. Полноценное наполнение государственного реестра актуальными сведениями об объектах недвижимости позволит системе государственного управления получить более точные статистические данные, необходимые для расчета налогов, обеспечения эффективного государственного контроля за использованием объектов недвижимости, принятия более эффективных управленческих решений в области планирования, зонирования территорий и реализации инфраструктурных проектов.

Для собственников внесение сведений в ЕГРН о принадлежащих им объектах индивидуального жилищного строительства также является актуальным, поскольку дает возможность полноценно реализовывать право собственности, осуществлять, например, сделки (заключать договоры купли-продажи, мены, дарения, залога и др.), а также обеспечивает защиту прав собственников на данные объекты недвижимости [4].

Важно подчеркнуть, что и законодатель активно способствует тому, чтобы ЕГРН повсеместно пополнялся актуальными сведениями. Одной из таких мер стало утверждение Федерального закона № 487 о необходимости регистрации права на объекты недвижимости [9].

Для того чтобы рассмотреть существующие методы внесения в ЕГРН сведений об индивидуальных жилых домах, необходимо обратиться к положениям градостроительного законодательства.

Под объектами капитального строительства понимаются здания, строения, сооружения, объекты незавершенного строительства, за исключением таких объектов, которые обладают признаками некапитальных строений, сооружений [1].

Кроме того, Градостроительным кодексом РФ приведено определение понятия «объект индивидуального жилищного строительства», которое приравнивается к таким понятиям, как «жилой дом», «индивидуальный жилой дом» [1].

Сведения об индивидуальном жилом доме могут быть внесены в ЕГРН различными способами:

1. Упрощенный порядок.

Упрощенный порядок постановки на государственный кадастровый учет («дачная амнистия») представляет собой внесение сведений в ЕГРН на основе сокращенного пакета документов. При этом не требуется получение уведомлений о начале и об окончании строительства. Срок действия амнистии в настоящее время установлен до 01.03.2031 [2].

«Дачная амнистия» распространяет свое действие на объекты капитального строительства, для возведения которых не требуется получение разрешения, а именно: индивидуальные жилые дома, садовые дома [2]. Важно отметить, что данные объекты должны быть расположены на земельных участках соответствующего вида разрешенного использования (для ведения гражданами садоводства, для индивидуального жилищного строительства, личного подсобного хозяйства и для осуществления крестьянским фермерским хозяйством своей деятельности) [6].

Нормативно-правовое регулирование упрощенного порядка внесения сведений в ЕГРН осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Внесение сведений в ЕГРН в упрощенном порядке осуществляется на основе технического плана и правоустанавливающего документа в случае, если право не зарегистрировано в ЕГРН [2].

Сведения об объекте вносятся в технический план на основании проектной документации, если она была разработана, или на основании декларации, составленной и заверенной правообладателем жилого дома, о чем утверждается в части 11 статьи 24 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [2].

2. Уведомительный порядок.

Уведомительный порядок внесения сведений об индивидуальном жилом доме носит такое название, так как неотъемлемым приложением к техническому плану является уведомление о начале и об окончании строительства [5].

Нормативно-правовое регулирование данного порядка осуществляется:

Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»;

Градостроительным кодексом РФ.

Собственник жилого дома, перед тем как начать строительно-монтажные работы, должен обратиться в уполномоченный на выдачу разрешений на строительство орган власти за получением уведомления о начале строительства в порядке, описанном в статье 51.1 Градостроительного кодекса РФ [1].

После окончания строительно-монтажных работ собственник вновь обращается в уполномоченный орган власти за получением уведомления об окончании строительства. Такое уведомление выдается после осуществления проверки на

соответствие проектных и существующих характеристик объекта капитального строительства [5].

Для того чтобы осуществить постановку на кадастровый учет, кадастровый инженер обязан приложить данные уведомления к техническому плану [2].

3. В ходе проведения комплексных кадастровых работ (ККР).

Комплексные кадастровые работы представляют собой кадастровые работы, которые проводятся в отношении определенного вида объектов в границах кадастрового(-ых) квартала(-ов), а именно в отношении земельных участков, сведения о границах которых определены не в соответствии с действующим законодательством, а также тех земельных участков, образование которых предусмотрено частью 6 статьи 42.1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости».

Кроме того, ККР проводятся также и в отношении объектов капитального строительства (кроме линейных объектов), сведения о которых уже содержатся в ЕГРН, однако существует необходимость в исправлении реестровых ошибок в таких сведениях [2].

Интересно проанализировать каждый из представленных выше способов, чтобы выявить плюсы и минусы каждого, а также эффективность и результативность.

Так, упрощенный порядок постановки жилого дома на кадастровый учет является быстрым и удобным способом для собственника, так как дает возможность внести сведения об объекте в ЕГРН на основе небольшого пакета документов.

Данная амнистия способствует достижению соответствия сведений ЕГРН и существующей индивидуальной жилой застройки территорий. Кроме того, упрощенный порядок в настоящее время является единственным способом для быстрого внесения сведений в ЕГРН в связи с вступлением в силу Федерального закона № 487-ФЗ, который с 01.03.2025 обязывает всех правообладателей зарегистрировать свои права [3].

Уведомительный порядок внесения сведений об индивидуальном жилом доме в ЕГРН подходит для тех объектов, которые только планируется возвести. Таким образом, обеспечить оперативное внесение сведений в ЕГРН о существующем объекте недвижимости не представляется возможным. Данный порядок является выстроенным и законодательно закрепленным алгоритмом, который необходимо соблюдать в отношении строительства новых жилых домов, так как при получении уведомления о начале строительства уполномоченным органом будут проверены проектные характеристики на соответствие требованиям градостроительных регламентов, нормам индивидуального жилищного строительства и прочее, что поможет избежать ошибок при строительстве и проблем с осуществлением постановки на учет.

Внесение сведений об объектах капитального строительства путем проведения ККР осуществляется на крупных территориях, охватывая все индивидуальные жилые дома, сведения о которых имеются в ЕГРН. Однако важно отметить, что проведение ККР занимает большое количество времени и охватывает ограниченное количество кадастровых кварталов. Безусловно, целью данной процедуры является внесение большого массива данных в ЕГРН, но в отношении объектов капитального строительства вносятся лишь правки в существующие сведения о них.

Таким образом, рассмотренные способы постановки на учет жилого дома имеют свои преимущества и недостатки, однако каждый из них необходим для пополнения ЕГРН актуальными сведениями, поэтому данные способы непосредственно влияют на достижение поставленных целей в рамках реализации программы «Национальная система пространственных данных» [10].

Библиографический список

1. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
2. О государственной регистрации недвижимости: Федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.10.2025).
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 26.12.2024 № 487-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.06.2025).
4. Даниленко Д.С., Шевлякова И.М. Защита частной собственности на земельные участки посредством дачной амнистии // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2024. Т. 1. № 4 (91). С. 542–546. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_72755932_57948129.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
5. Мельникова Т.А., Лазарева О.С., Лазарев О.Е. Сравнительный анализ упрощенного и уведомительного порядка внесения сведений в ЕГРН об индивидуальном жилом доме // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2025. № 1 (40). С. 56–62. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80634179_61620309.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
6. Токарева Д.О. Реалии дачной амнистии: проблемы и плюсы // Социально-экономические и правовые исследования в контексте цифровой трансформации: сборник научных статей. 2025. С. 155–159. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80336653_87079751.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
7. В чем суть дачной амнистии? // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.06.2025).
8. Кадастровый учет объектов недвижимости // Спроси.ДОМ.РФ. URL: <https://спроси.дом.рф/instructions/kadaastrovyy-uchet-obektov-nedvizhimosti/> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Как работает Дачная амнистия с 1 марта 2025 года? URL: https://staroruskij-r49.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/informatsiya-dlya-naseleniya/novosti_4520.html (дата обращения: 18.09.2025).
10. О разъяснении вопроса определения результатов комплексных кадастровых работ: письмо Росреестра от 02.02.2024 № 18-0862-ТГ/24 // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-rosreestra-ot-02022024-n-18-0862-tg24-o-razjasnenii-voprosa/?ysclid=mjh6ub8uh2377724674> (дата обращения: 18.09.2025).

**ANALYSIS OF METHODS OF REGISTRATION
FOR STATE CADASTRAL REGISTRATION
OF RESIDENTIAL BUILDINGS
ON INDIVIDUAL HOUSING CONSTRUCTION SITES**

O.E. Lazarev, D.A. Pavlov, O.S. Lazareva

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article discusses various methods for adding information about individual residential buildings to the Unified State Register of Real Estate (USRRE), including simplified and notification procedures, as well as adding information during comprehensive cadastral works. The article highlights the importance of timely and extensive updating of the USRRE with information about individual residential buildings. It also analyzes the organizational and legal basis for adding information to the USRRE using each of the described methods. The article concludes with a summary of the advantages and disadvantages of each method.*

Keywords: *cadastral registration, individual residential building, notification procedure, simplified procedure, complex cadastral works.*

Об авторах:

ЛАЗАРЕВ Олег Евгеньевич – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lazarev_tvgu@mail.ru

ПАВЛОВ Дмитрий Александрович – магистрант кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: Pavlov192960@gmail.com

ЛАЗАРЕВА Оксана Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lazos_tvgu@mail.ru

About the authors:

LAZAREV Oleg Evgenievich – Senior Lecturer of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lazarev_tvgu@mail.ru

PAVLOV Dmitry Alexandrovich – Master's Student of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: Pavlov192960@gmail.com

LAZAREVA Oksana Sergeevna – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lazos_tvgu@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЗАСТРОЙКОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ НОРМАТИВОВ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Т.А. Мельникова, О.Е. Лазарев, О.С. Лазарева, И.А. Лепехин
Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Мельникова Т.А., Лазарев О.Е.,
Лазарева О.С., Лепехин И.А., 2026
DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-63-68

Аннотация. На примере Тверской области рассмотрено управление застройкой территории согласно утвержденным и реализуемым региональным нормативам градостроительного проектирования (РНГП). Объяснена необходимость осуществления градостроительного регулирования. Исследованы основные аспекты утверждения РНГП в Тверской области, их состав. Выполнен анализ застройки тестового земельного участка на соблюдение некоторых требований РНГП.

Ключевые слова: региональные нормативы градостроительного проектирования, Тверская область, регулирование, застройка, нормативные показатели.

В современных условиях развития территорий планирование и проектирование – это один из ключевых аспектов государственной политики в области градостроительного регулирования [9,10].

Градостроительным кодексом РФ закреплены основные принципы реализации градостроительного регулирования. Так, важным принципом является осуществление градостроительной деятельности с учетом достижения комплексного и устойчивого развития территорий, соблюдения социальных, экономических и экологических норм, а также обеспечения безопасности граждан, т.е. создание комфортной и безопасной среды для проживания населения и осуществления какой-либо деятельности [1]. Чтобы достичь устойчивого развития территорий, обеспечить население всем необходимым в части социально-экономических, экологических потребностей для достижения комфортного уровня жизни, необходимо рациональное и эффективное государственное управление.

Согласно части 3 статьи 7 Градостроительного кодекса РФ, одним из способов такого государственного управления на региональном уровне являются разработка и утверждение региональных нормативов градостроительного проектирования (РНГП) [10].

В соответствии с Законом Тверской области от 24.07.2012 № 77-ЗО «О градостроительной деятельности на территории Тверской области» [5] полномочиями в части принятия решения о разработке и утверждении РНГП наделено Правительство Тверской области. Подготовка РНГП осуществляется уполномоченным органом или иными лицами на основании заключенного государственного контракта в соответствии с нормами действующего законодательства в области контрактной деятельности [6].

После разработки РНГП Правительство Тверской области опубликовало проект РНГП в сети Интернет не менее чем за 15 рабочих дней до их утверждения. Далее в течение 30 дней со дня размещения проекта органы местного самоуправления и другие заинтересованные лица могли представить свои предложения [5].

На сегодняшний день в Тверской области утверждены нормативы градостроительного проектирования Постановлением от 18.11.2019 № 455-пп «О региональных нормативах градостроительного проектирования Тверской области» [6]. Они состоят из 5 разделов.

Раздел 1 включает общие положения, а также содержит классификацию муниципальных образований Тверского региона по интенсивности урбанизации и градостроительного освоения. Так, города Тверь, Ржев, Вышний Волочек, Кимры, Торжок относятся к территориям с высоким уровнем урбанизации (группа А). К наименее урбанизированным территориям относятся населенные пункты с численностью населения менее 10 тыс. человек (группа С) [6].

Раздел 2 РНГП Тверской области содержит предельные параметры обеспеченности объектами регионального и местного значения, а также доступности таких объектов [6]. В этом разделе приведен перечень объектов по таким сферам деятельности, как инженерная инфраструктура, транспорт, образование, спорт и пр. Далее представлены расчетные показатели в отношении перечисленных выше объектов: ширина полосы движения, расчетная скорость автомобильных дорог различного назначения, минимальный уровень обеспеченности территории необходимыми объектами. Так, например, в границах Тверской области минимальный уровень обеспеченности автовокзалами – 1 объект на муниципальный или городской округ.

Кроме вышеуказанного, в разделе 2 содержатся требования к радиусу пешеходной или транспортной доступности до объектов (например, амбулатории, поликлиники и диспансеры должны быть в радиусе транспортной доступности, не превышающем 1 ч [6]). Приводятся также параметры улично-дорожной сети в городских и сельских населенных пунктах. Здесь же указывается количество машино-мест на 1 квартиру с учетом постоянного или временного хранения автомобилей в зависимости от категории комфортности жилья. Например, для массового жилья предусмотрено 1 машино-место для постоянного хранения автомобиля на 1 квартиру [6].

В разделе 3 РНГП Тверской области приведены обоснования расчетных показателей, а именно: социально-экономические характеристики Тверской области, некоторые пояснения.

Раздел 4 содержит различные нормативные параметры для функциональных зон.

Раздел 5 включает порядок применения расчетных показателей, приведенных в предыдущих разделах. Кроме основных разделов, РНГП Тверской области содержат 3 приложения: нормативно-правовую базу, которая была использована для разработки РНГП; минимальные коэффициенты застройки земельных участков промышленных предприятий; требования по сохранению и защите объектов культурного наследия [6].

В целях подтверждения эффективности применения РНГП проанализируем соблюдение основных нормативных требований к многоэтажной застройке на примере тестового участка территории.

Рассмотрим многоэтажную застройку по адресу: Тверская область, Калининский муниципальный округ, д. Батино, ул. Сергея Есенина, д. 3. На территории земельного участка с кадастровым номером 69:10:0000013:1004 площадью 8 760 м² размещен многоквартирный жилой дом, состоящий из 12 этажей, в том числе подземных (рис. 1).

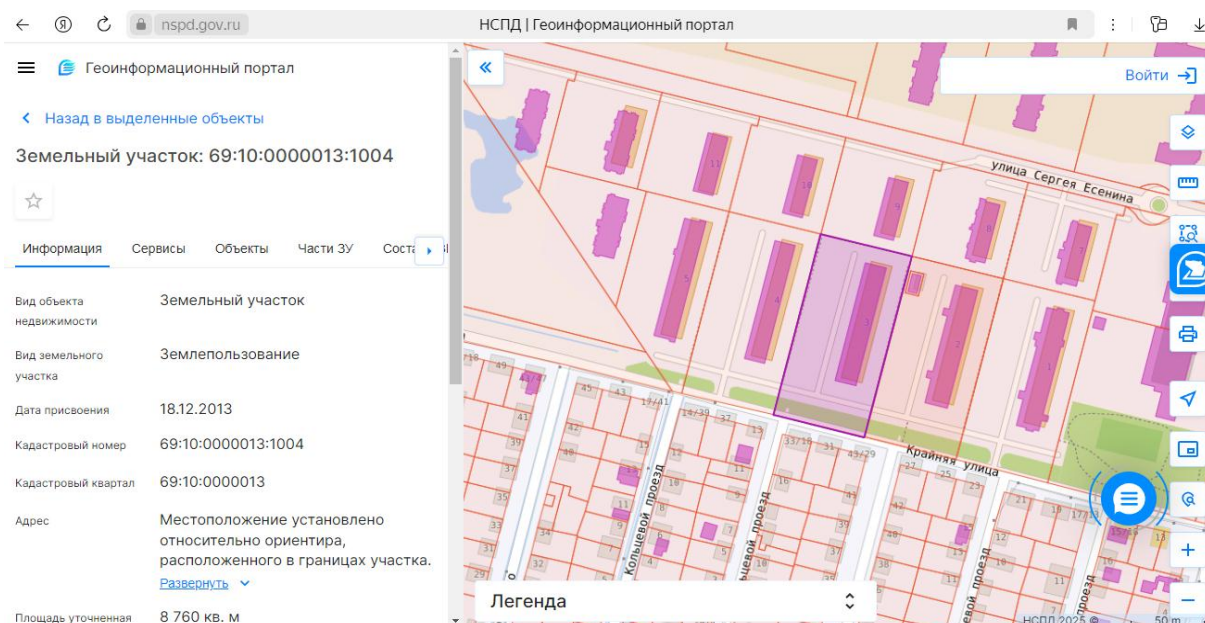

Рис. 1. Территория земельного участка с кадастровым номером 69:10:0000013:1004 на публичной кадастровой карте на портале «Национальная система пространственных данных»

В границах данного земельного участка размещен многоквартирный многоэтажный жилой дом общей площадью 14 522,6 м². Интересно рассчитать показатели в отношении данной застройки и сравнить со следующими нормативными показателями: 1) застройкой территории земельного участка; 2) доступностью до школы, детского сада. Согласно таблице 43 РНГП Тверской области, до детского сада общего типа должен соблюдаться радиус пешеходной доступности, определенный для сельских населенных пунктов в размере 1 000 м, а в отношении школ должен быть соблюден радиус транспортной доступности, составляющий до 30 мин в одну сторону [6, 11].

Согласно таблице 62 РНГП Тверской области, коэффициент застройки квартала в отношении многоквартирных домов со средней этажностью 10–15 этажей составляет 0,15, коэффициент плотности застройки – 1,2. В данном случае за территорию жилого квартала принимаются границы земельного участка с кадастровым номером 69:10:0000013:1004. Площадь застройки в границах данного земельного участка составляет около 1 290,35 м² (данные получены путем измерения на публичной кадастровой карте). Так, коэффициент застройки рассчитывается как частное площади застройки и площади земельного участка и составляет 0,15, что соответствует нормативному показателю.

Общая площадь всех этажей здания принята за общую площадь здания, указанную на публичной кадастровой карте, и составляет 14 522,6 м². Так, коэффициент плотности застройки рассчитывается как частное общей площади здания и площади земельного участка и составляет 1,6, что превышает нормативный показатель. Превышение можно объяснить тем, что для представленного расчета были использованы сведения о площади здания из ЕГРН, в связи с чем не представляется возможным утверждать, что данная площадь является общей площадью здания, необходимой для расчета коэффициента плотности застройки, так как данная площадь может быть рассчитана разными способами. Далее рассмотрим, соблюдается ли

нормативный показатель радиуса доступности до объектов образования. Как продемонстрировано на рис. 2, радиус транспортной доступности до школы соблюден и составляет 6 мин, а максимальный радиус транспортной доступности определен в размере 30 мин в одну сторону.

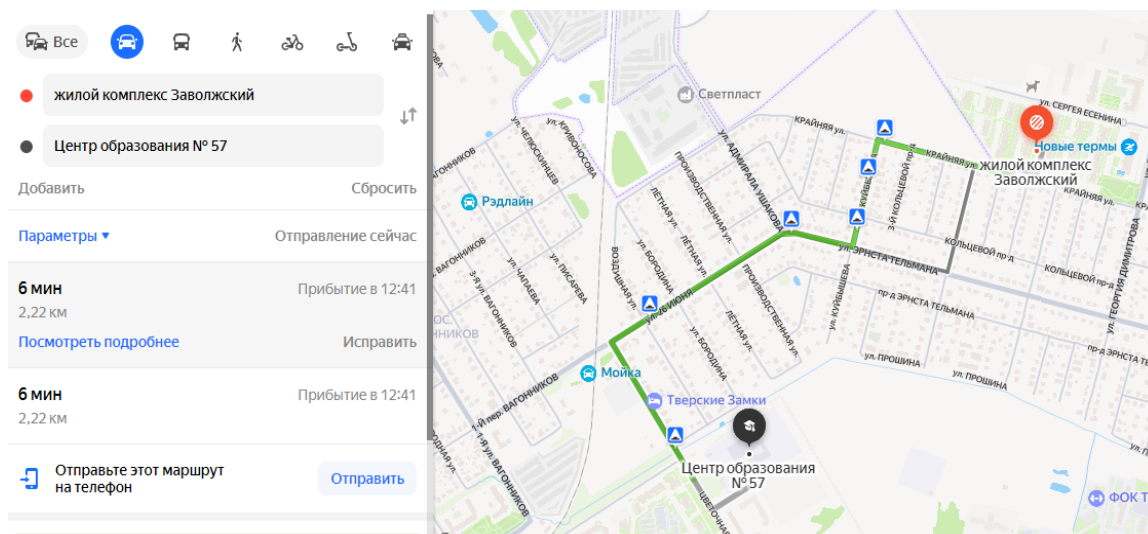

Рис. 2. Радиус транспортной доступности до школы от многоквартирного дома [8]

Как показано на рис. 3, радиус пешеходной доступности до детского сада соблюден и составляет 124 м, а максимальный радиус пешеходной доступности определен в размере 1 000 м. Важно подчеркнуть, что в соответствии с РНГП радиус пешеходной доступности определяется как радиус круга, при этом центром круга является жилой дом, а детский сад представляет собой точку на окружности. Следовательно, фактическое расстояние до детского сада составит немного больше 124 м с учетом пешеходных дорожек.

Рис. 3. Радиус пешеходной доступности до детского сада от многоквартирного дома [8]

В ходе проведенного анализа было выявлено почти полное соответствие выбранным показателям. Превышение коэффициента плотности застройки может быть связано с отсутствием точных данных об общей площади этажей здания.

Таким образом, РНГП являются одним из эффективных способов управления градостроительной деятельностью, так как они регламентируют большой объем показателей, нормативных расстояний, уровней обеспеченности, которым должна соответствовать застройка. При помощи РНГП осуществляется управление развитием как городских, так и сельских территорий.

Библиографический список

1. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.10.2025).
2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.11.2025).
3. О кадастровой деятельности: Федер. закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.09.2025).
4. О государственной регистрации недвижимости (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.11.2024): Федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).
5. О градостроительной деятельности на территории Тверской области: закон Тверской области от 24.07.2012 № 77-ЗО // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).
6. О региональных нормативах градостроительного проектирования Тверской области: постановление Правительства Тверской области от 18.11.2019 № 455-пп // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2025).
7. Росстат: в 2023 году в России построили 70 млн кв. м жилья. URL: <https://спроси.дом.рф/news/rosstat-v-2023-godu-v-rossii-postroili-70-mln-kvm-zhilya/> (дата обращения: 05.10.2025).
8. Карты Яндекс. URL: <https://yandex.ru/maps/geo/tver/53057271/?ll=35.891682%2C56.887534&z=14.66> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Базавлук В.А., Предко Е.В. Основы градостроительства и планировка населенных мест: жилой квартал: учебник для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2025. 109 с.
10. Береговских А.Н. Предложения по совершенствованию правового регулирования градостроительных и земельно-имущественных отношений // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/59SAVN224.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).
11. Стегниенко Е.С., Иваненко П.Е. Правовое регулирование процедуры создания объекта капитального строительства на примере индивидуального жилого дома // Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения: сборник материалов III Национальной практической конференции, 27–29 ноября 2019 г.: в 2 ч. Новосибирск: СГУГиТ, 2020. Ч. 2. С. 22–27.

MANAGEMENT OF TERRITORY DEVELOPMENT BASED ON REGIONAL REGULATIONS FOR PLANNED DEVELOPMENT

T.A. Melnikova, O.E. Lazarev, O.S. Lazareva, I.A. Lepekhin

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *Using the Tver Region as an example, this article examines the management of development in accordance with approved and implemented regional urban planning standards (RUPS). The need for urban planning regulation is explained. The key aspects of RUPS approval in the Tver Region and their composition are examined. An analysis of the development of a test plot of land for compliance with certain RUPS requirements is conducted.*

Keywords: *regional urban planning standards, Tver region, regulation, development, normative indicators.*

Об авторах:

МЕЛЬНИКОВА Татьяна Алексеевна – магистрант кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: tatyana-melnikova-2021@mail.ru

ЛАЗАРЕВ Олег Евгеньевич – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lazarev_tvgu@mail.ru

ЛАЗАРЕВА Оксана Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lazos_tvgu@mail.ru

ЛЕПЕХИН Илья Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры геодезии и кадастра, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: ilia-lepehin@rambler.ru

About the authors:

MELNIKOVA Tatyana Alekseevna – Master's Student of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: tatyana-melnikova-2021@mail.ru

LAZAREV Oleg Evgenievich – Senior Lecturer of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lazarev_tvgu@mail.ru

LAZAREVA Oksana Sergeevna – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lazos_tvgu@mail.ru

LEPEKHIN Ilya Aleksandrovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Geodesy and Cadastre, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: ilia-lepehin@rambler.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ: ОБЗОР РИСКОВ И МЕР ЗАЩИТЫ

В.А. Никольская¹, Г.В. Кошкина¹, К.Э. Никитина-Кошкина²

¹Тверской государственный технический университет, г. Тверь

²Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Тверской области, г. Тверь

© Никольская В.А., Кошкина Г.В.,

Никитина-Кошкина К.Э., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-69-74

***Аннотация.** Настоящая статья представляет собой комплексный анализ безопасности цифрового рубля (ЦР), охватывающий правовые, технологические, кибернетические, социальные и экономические аспекты. Рассмотрены правовые основы на базе Федеральных законов № 152-ФЗ и № 340-ФЗ, архитектура технической защиты с использованием отечественного программного обеспечения, криптографии и специализированных модулей, а также ключевые угрозы – от фишинга и мошенничества до системных рисков, связанных с централизацией и потенциальным вмешательством государства. Особое внимание уделено антифрод-механизмам, включая тройную аутентификацию и гарантии возмещения убытков, а также критически важному социальному компоненту – уровню доверия населения, который остается низким из-за дезинформации и опасений по поводу финансового контроля. Проанализированы экономические последствия внедрения ЦР для банковского сектора и его роль как инструмента финансового суверенитета в условиях международных санкций. Сделан вывод, что устойчивое и успешное внедрение ЦР возможно только при условии баланса между технологической надежностью, правовой прозрачностью, экономической устойчивостью и общественным доверием.*

***Ключевые слова:** цифровой рубль, безопасность, правовая регуляция, финансовый суверенитет, кибербезопасность, антифрод-механизм, социальные уязвимости.*

За последние годы в России, как и в других странах, выросла доля безналичных расчетов, что потребовало развития и совершенствования цифровых платежных инструментов. Результатом разработок стало внедрение на платформе Центрального банка (ЦБ) цифровой валюты, по сути являющейся новой формой денег. Цифровой рубль (ЦР) представляет собой технологически сложную и социально значимую инновацию. Его внедрение ставит перед регулятором задачу обеспечения не только технической защищенности, но и правовой легитимности, экономической устойчивости и общественного доверия. В данной статье представлен комплексный обзор ключевых аспектов безопасности ЦР: правовой и технической инфраструктуры, киберугроз, антифрод-механизмов, социального восприятия и системных экономических рисков.

1. Правовая и техническая основа безопасности.

Безопасность ЦР строится на двух взаимосвязанных компонентах: национальной правовой базе и отечественной технологической инфраструктуре.

Правовую основу составляет в первую очередь Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», дополненный Федеральным законом № 340-ФЗ «О цифровом рубле» (2023 год) [13]. Последний наделяет Банк России полномочиями по обработке персональных данных пользователей ЦР в целях надежного функционирования платформы [13]. Требования закона № 152-ФЗ включают обязательную локализацию данных граждан РФ на территории страны, необходимость получения информированного согласия на их обработку и право субъекта на отзыв этого согласия [10, 12]. Особые меры защиты применяются к биометрическим и иным («специальным») категориям данных [12].

На техническом уровне безопасность обеспечивается:

использованием отечественного оборудования и программного обеспечения, включенного в официальные реестры [6];

шифрованием всех каналов связи с применением сертифицированных ФСБ средств криптографической защиты информации [6, 7, 16];

двухсторонней аутентификацией банков через собственный центр сертификации Банка России [6, 7];

специализированным программным модулем (BR Software Module), интегрируемым в мобильные приложения банков для изолированного хранения криптографических ключей [6, 7];

применением логического, структурного, дублирующего и авторского контроля для обеспечения целостности данных и смарт-контрактов.

Данная архитектура создает многоуровневую защиту, ориентированную на соответствие национальным стандартам и минимизацию зависимости от зарубежных технологий.

2. Киберугрозы и специфические риски.

Несмотря на продвинутую защиту, ЦР подвержен ряду угроз, которые условно делятся на внешние и системные. Внешние угрозы в первую очередь касаются конечных пользователей. Уже на этапе подготовки к внедрению ЦР активизировались мошенники, использующие фишинг, фейковые инвестиционные программы, спам и телефонные скамы, эксплуатирующие дезинформацию и страх граждан перед «обязательным переходом» на ЦР. Опрос Mar Consult в октябре 2025 года показал, что 31 % респондентов почти ничего не знают о ЦР, и это создает благоприятную среду для мошенничества.

Риски для коммерческих банков также значительны. Поскольку доля безналичных расчетов перейдет к ЦР, у банков будет оставаться меньше средств для свободного использования. Нововведение приведет к оттоку средств и, соответственно, снижению доходов, не исключены и репутационные потери в случае компрометации кошельков, даже при отсутствии прямой вины банков.

Системные риски, связанные с архитектурой ЦР:

централизация внедрения: компрометация или сбой платформы Банка России может парализовать систему электронных платежей;

гипотетическое вмешательство государства: распространены опасения, что ЦБ может «аннулировать» неиспользуемые ЦР или заблокировать кошельки, а это подрывает доверие к ЦР как форме собственности. Главной целью ЦР 47 % россиян считают государственный контроль над финансами;

офлайн-транзакции: отсутствие реального времени мониторинга усложняет борьбу с мошенничеством, а утрата устройства может привести к безвозвратной потере доступа к средствам;

низкая технологическая зрелость части банков: до 30 % кредитных организаций имеют устаревшие ИТ-системы, что затрудняет интеграцию и создает риски для всей экосистемы [3, 11].

3. Антифрод-системы и механизмы защиты.

В ответ на угрозы Банк России внедряет комплекс мер:

многоуровневую защиту («тройной барьер»): доступ к средствам требует прохождения трех уровней аутентификации – в банке, на платформе ЦБ и при дополнительной проверке со стороны регулятора [1, 2, 4, 9, 14];

гарантию сохранности средств: Банк России официально заявляет, что возместит убытки пользователям в случае хищения средств; это создает большой стимул для обеспечения максимальной безопасности [2, 4, 9, 14];

период охлаждения: с февраля 2025 года банки могут замораживать подозрительные транзакции на 48 ч для подтверждения пользователем, что снижает риски социальной инженерии [5];

процедуры реагирования: в случае утечки данных Банк России обязан уведомить Роскомнадзор в течение 24 ч и направить отчет в течение 72 ч.

Указанные меры эффективны против внешних атак, но не устраняют системных рисков, связанных с централизацией и доверием к государству.

4. Социальный компонент безопасности: доверие и недоверие.

Техническая безопасность ЦР не гарантирует его социального принятия. Опрос Mar Consult (2025 год) выявил следующее:

только 36 % россиян доверяют системе безопасности ЦР;

46 % имеют серьезные опасения, главными причинами которых являются хакерские атаки (39 %), технические сбои (43 %) и вмешательство государства (38 %);

47 % считают, что ЦР создан для контроля над финансами, а не для удобства граждан.

Дезинформация (например, об обязательном переходе на ЦР или возможном их «сгорании» при неполном использовании) активно распространяется в Сети, и Банк России вынужден регулярно ее опровергать [8, 15]. Это свидетельствует о глубоком разрыве между официальной риторикой и общественным восприятием.

Успех внедрения и использования ЦР зависит не столько от криптографии, сколько от способности регулятора завоевать доверие через прозрачность своих действий, просвещение граждан и уважение их финансовой автономии.

5. Экономические и системные вызовы.

Внедрение ЦР создает ряд дополнительных проблем в банковской системе, а именно:

1. Конкуренцию с коммерческими банками: ЦР может привлечь депозиты населения, снижая ликвидность и кредитоспособность банков. Руководство «Сбербанка» и других крупных игроков выражает скептицизм относительно выгод от ЦР.

2. Соппротивление банков: банки могут медлить с внедрением или предлагать менее качественные услуги, что замедлит распространение ЦР [3, 11, 16].

3. Технологический разрыв: интеграция с устаревшими банковскими системами требует времени и ресурсов, что создает риски неравенства в доступе к услугам.

4. Необеспеченность населения ресурсами: отсутствие у населения (или пользователей) стабильного интернета, возможности доступа к платформе ЦБ, алгоритма использования в розничной торговле.

Одновременно ЦР рассматривается как инструмент финансового суверенитета. Он может стать альтернативой SWIFT, позволив России проводить международные расчеты вне западных финансовых систем, особенно в условиях санкций. Эта геополитическая функция может перевесить экономические риски, ускоряя внедрение ЦР даже ценой давления на банковский сектор.

Стоит отметить, что указанные риски не позволяют ЦБ официально признать ЦР дополнительной валютой, как планировалось изначально, а потому в начале 2026 года апробация продолжится только в рамках пилотного проекта.

Цифровой рубль – это проект с высоким уровнем технической и правовой защищенности, но с глубокими системными и социальными уязвимостями. Его безопасность не сводится к киберрезистентности: она определяется балансом между контролем и доверием, суверенитетом и свободой, инновацией и стабильностью.

Ключевые проблемы, требующие решения:

1. Выбор архитектуры: определиться с тем, сохранить ли двухуровневую модель (ЦБ + банки) или перейти к прямому взаимодействию с пользователями.

2. Управление доверием: преодолеть дезинформацию и страх через прозрачность и образование.

3. Гармонизация интересов: сбалансировать геополитические цели с поддержкой здоровой банковской конкуренции.

Цифровой рубль способен стать мощным инструментом модернизации финансовой системы, но его успех зависит не от технологий, а от способности государства создать экосистему, в которой граждане, бизнес и банки увидят не угрозу от его использования, а выгоду. Без этого даже самая безопасная цифровая валюта рискует остаться никем не востребованной.

Библиографический список

1. В ЦБ не ожидают массового перехода россиян на цифровой рубль. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8212466> (дата обращения: 20.11.2025).
2. В Центробанке ответили на главные вопросы россиян о цифровом рубле. URL: <https://rg.ru/2025/12/21/na-lichnyj-raschet.html> (дата обращения: 17.12.2025).
3. Герман Греф: Цифровой рубль мне не нужен ни как физлицу, ни как главе банка. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-03_glava_sberbanka_ne_verit (дата обращения: 25.10.2025).
4. Зачем нужен цифровой рубль, станет ли он обязательным и что нам даст единый куар-код. Интервью заместителя председателя ЦБ Зульфии Кахрумановой KP.RU. URL: <https://www.kp.ru/daily/27699/5087872/> (дата обращения: 25.10.2025).
5. Информация Банка России о введении «периода охлаждения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498420/ (дата обращения: 20.11.2025).
6. Информация Банка России о технической архитектуре цифрового рубля. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 25.10.2025).
7. Материалы по архитектуре и безопасности платформы ЦР (Банк России, 2023–2025). URL: https://cbr.ru/information_security/ (дата обращения: 25.10.2025).
8. Платежом опасен: в РФ появились первые мошенничества с цифровым рублем. URL: <https://iz.ru/1839276/anton-belyi-natala-ilina/platezom-opasen-v-rf-poavilis-per-vye-mosennicstva-s-cifrovym-rublem> (дата обращения: 20.11.2025).
9. Пресс-конференция председателя Комитета по финансовому рынку Госдумы РФ Анатолия Аксакова 16.10.23. URL: <https://pressria.ru/20231016/955585743.html> (дата обращения: 25.10.2025).

10. Об обработке персональных данных в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 15.12.2022 № 201. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406813536/> (дата обращения: 25.10.2025).
11. Только бумажный. Россиянам оказался не нужен цифровой рубль. URL: https://banks.cnews.ru/news/top/2025-07-17_tolko_bumazhnyj_ili_virtualnyj (дата обращения: 20.11.2025).
12. О персональных данных: Федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 25.10.2025).
13. О цифровом рубле: Федер. закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1637250/> (дата обращения: 25.10.2025).
14. ЦБ рассказал о возмещении клиентам банков украденных средств. URL: <https://pravo.ru/news/251258/> (дата обращения: 20.11.2025).
15. Центробанк обнаружил кампанию по распространению мифов о цифровом рубле. URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2025-02-04-121598/45180> (дата обращения: 25.10.2025).
16. Цифровой рубль: что он изменит в экономике и зачем это инвестору. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/tsifrovoy-rubl-cto-on-izmenit-v-ekonomike-i-zachem-eto-investoru> (дата обращения: 20.11.2025).

THE SECURITY OF THE DIGITAL RUBLE: OVERVIEW OF RISKS AND PROTECTION MEASURES

V.A. Nikolskaya¹, G.V. Koshkina¹,
K.E. Nikitina-Koshkina²

¹Tver State Technical University, Tver

² Territorial Office of the Federal State Statistics Service
for the Tver Region, Tver

Abstract. *This article presents a comprehensive analysis of the security of the digital ruble (DR), covering its legal, technological, cyber, social, and economic dimensions. It examines the legal framework based on Federal Laws No. 152-FZ and No. 340-FZ, the technical security architecture employing domestically developed software, cryptographic solutions, and specialized modules, as well as key threats ranging from phishing and fraud to systemic risks associated with centralization and potential state intervention. Particular attention is given to anti-fraud mechanisms – including triple-factor authentication and guarantees for loss compensation – as well as to the critically important social component: public trust, which remains low due to misinformation and concerns about financial surveillance. The paper also analyzes the economic implications of the DR for the banking sector and its potential role as an instrument of financial sovereignty under international sanctions. The study concludes that the sustainable and successful adoption of the digital ruble is feasible only if a balance is achieved among technological reliability, legal transparency, economic stability, and public trust.*

Keywords: *digital ruble, security, legal regulation, financial sovereignty, cybersecurity, anti-fraud mechanisms, social vulnerabilities.*

Об авторах:

НИКОЛЬСКАЯ Вера Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и управления производством, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: nbvas@mail.ru

КОШКИНА Галина Вячеславовна – старший преподаватель кафедры информатики и прикладной математики, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: gkoshkina@rambler.ru

НИКИТИНА-КОШКИНА Кристина Эдуардовна – ведущий специалист-эксперт отдела информационных ресурсов и технологий, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тверской области, г. Тверь, Россия; e-mail: kris22t@rambler.ru

About the authors:

NIKOLSKAYA Vera Aleksandrovna – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: nbvas@mail.ru

KOSHKINA Galina Vyacheslavovna – Senior Lecturer at the Department of Informatics and Applied Mathematics, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: gkoshkina@rambler.ru

NIKITINA-KOSHKINA Kristina Eduardovna – Leading Specialist-Expert of the Department of Information Resources and Technologies, Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Tver Region, Tver, Russia; e-mail: kris22t@rambler.ru

Правила представления статей для публикации в журнале

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать результаты исследований, ранее не публиковавшиеся. Объем статьи – от 5 до 8 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список, оформленный по требованиям ГОСТ Р 7.0.5 2008, за исключением разделяющего знака (–). Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек. Публикация более двух статей одного автора (в том числе и в соавторстве) в одном номере не осуществляется.

Не допускается дословное цитирование без кавычек как чужих, так и своих источников; допускается использование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это необходимо для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные необходимы для помещения статьи в российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК, название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (Ф. И. О. полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ Р 7.0.5-2008 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

Аннотация представляет собой обобщенное описание основного текста. В аннотации обозначаются затронутые в публикации проблемы, вопросы, темы. При этом само содержание не раскрывается. Правильно составленная аннотация будет отвечать на вопрос «о чем говорится в тексте?».

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты.

Рекомендуемый средний объем аннотации – 500–600 печатных знаков, или 150–200 слов (ГОСТ 7.0.99-2018). Обычно это 5–6 предложений.

Фразы, рекомендуемые для написания аннотации к научной статье:

В статье рассмотрена проблема...

Обоснована идея о том, что...

В статье затронута тема...

Дано сравнение...

Статья посвящена комплексному исследованию...

Целью статьи является анализ ... и т.п.

Пример аннотации:

В статье рассмотрен круг жанров малой прозы (очерк, эскиз, фрагмент, записки, рассказ) в раннем творчестве М.Н. Альбова. Показано, что тенденция к жанровому синтезу проявилась не только в крупных жанрах, в произведениях классиков XIX века, но и в малой прозе писателей так называемого «второго ряда», к

которым относят и М.Н. Альбова. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению малой прозы Альбова с точки зрения ее жанрового своеобразия. Выявлен синтез жанров психологического рассказа и физиологического очерка, а также определена оригинальная черта писателя – наличие жанровых подзаголовков.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить лицензионный договор с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты vestnik_sgum@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИО автора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, абзацный отступ – 1,25 см.

Параметры форматирования текста:

шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт;

абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами);

выравнивание – по ширине;

межстрочный интервал одинарный;

заголовок – полужирным шрифтом с выравниванием по тексту прописными буквами;

перед заголовком статьи – УДК без отступа, далее пропуск одной строки, заголовок, после заголовка пропуск одной строки, затем инициалы и фамилии авторов (полужирным курсивом);

между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится, далее пропуск одной строки, затем текст, после текста пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования:

единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются;

должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий);

между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч), а также при использовании числительных, выраженных цифрами (2021 год, XX в., ст. 10, гл. 1, ч. 3, п. 4), должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел);

ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны;

ссылки на библиографические источники даются в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце подрисуночной подписи не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ».

**Состав редакционной коллегии журнала
«Вестник Тверского государственного технического университета.
Серия “Науки об обществе и гуманитарные науки”»**

Главный редактор – **Филиппченкова Светлана Игоревна**, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Заместитель главного редактора – **Вякина Ирина Владимировна**, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления производством, профессор кафедры информационных систем, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Ответственный секретарь – **Балакшина Елена Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Члены редакционной коллегии

Направление «Экономические науки»

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета, врио ректора ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Александров Геннадий Аркадьевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Бойкова Анна Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Жиронкин Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры открытых горных работ, ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» (г. Кемерово).

Разиньков Павел Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Аубакирова Гульнара Муслимовна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента предприятия, НАО «Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова» (г. Караганда, Республика Казахстан).

Бауэр Майра Шакибаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, НАО «Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина» (г. Астана, Республика Казахстан).

Высоцкий Олег Арсентьевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и логистики, УО «Брестский государственный технический университет» (г. Брест, Республика Беларусь).

Здравко Шолак – доктор экономических наук, профессор, Высшая школа бизнеса (г. Нови-Сад, Сербия).

Манцера Татьяна Феликсовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и организации энергетики, Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Республика Беларусь).

Направление «Философские науки»

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, истории и философии, проректор по развитию персонала, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (г. Тверь).

Бакурадзе Андрей Бондович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)» (г. Москва).

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, ГБОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет» (г. Москва).

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» (г. Тверь).

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь).

Лукашевич Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

Колчигин Сергей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, вице-президент Казахстанского общественного объединения «Философский Конгресс» (г. Алматы, Республика Казахстан).

Дрожжина Светлана Владимировна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, ректор, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Лугуценко Татьяна Валентиновна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и политологии, ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет» (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

Направление «Психологические науки»

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса Института психологии служебной деятельности, ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел имени В.Я. Кикотя» (г. Москва).

Горбатов Дмитрий Сергеевич – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социальной психологии, СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы» (г. Санкт-Петербург).

Леньков Сергей Леонидович – доктор психологических наук, профессор, главный аналитик отдела перспективных научных исследований, Российская академия образования (г. Москва).

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник, ФГБУ «Институт философии РАН» (г. Москва).

Морозов Александр Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва).

Орлова Елена Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии ИОН, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Москва).

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и психологии труда факультета психологии и педагогики, АНО ВО «Российский новый университет» (г. Москва), главный специалист Управления координации научных исследований, Российская академия образования (г. Москва).

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь).

Спасенников Валерий Валентинович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (г. Брянск).

Федотов Сергей Николаевич – доктор психологических наук, профессор, начальник учебно-научного комплекса Института психологии служебной деятельности, ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Москва).

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (г. Москва).

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук России, доктор психологических наук Республики Беларусь, профессор, заведующая кафедрой инженерной психологии и эргономики, УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники» (г. Минск, Республика Беларусь).

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-74323 от 19 ноября 2018 года.

Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 240.

Телефон редакции: (4822) 789528 (доб. 551).

Адрес электронной почты: vestnik_sgum@mail.ru

**ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 1 (44), 2026

Редактор Е.Г. Подгорная
Корректор С.В. Борисов

Подписано в печать 27.02.2026

Дата выхода в свет 20.08.2026

Формат 60×84 1/8

Физ. п. л. 10

Тираж 500 экз.

Цена свободная

Усл. п. л. 9,3

Заказ № 32032

Бумага писчая

Уч.-изд. л. 8,7

С – 80

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22
Отпечатано в ООО «Издательство «Триада»
170034, Тверь, пр. Чайковского, д. 9, офис 514